

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Я – убийца

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Я – убийца / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Он совершил несколько странных убийств, его видели десятки свидетелей, он признается сам, заявляя: «Я — убийца». Защитить его в этом безнадежном деле берется адвокат Юрий Гордеев. И он побеждает. Только победа не приносит ему радости.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	41
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Незнанский

Я — убийца

Глава 1

Потом ввели подсудимого.

Зал привычно обернулся в его сторону.

Плюгавый мужичок жалко улыбался охранникам, которые через решетку снимали с него наручники.

— Сядь, — сказал ему один охранник. И мужичок послушно шлепнулся на скамейку.

Его судили за воровство. Ночью мужичок взломал хлебный киоск и утащил оттуда мешок белых черствых батонов. Зачем он это сделал, мужичок так за все время следствия, а теперь и суда, объяснить не смог.

— Пьяным бывши, — говорил он косноязычно. — Мало припоминавши был.

Ему грозило что-то незначительное, ну год, другой, а то и штрафом отделается. Но мужичок воспринимал суд очень серьезно. Наверное, он первый раз в жизни вообще попал в центр внимания стольких важных и деловых людей.

К этому моменту должно было случиться главное в суде — приговор. Суд совещался недолго, все было ясно как божий день, сейчас человек в черной мантии займет свое место под гербом России и скажет, как дальше потечет жизнь плюгавого мужичка.

Народ в зале был, но интересовал его вовсе не подсудимый, они ждали следующего заседания, которое начнется сразу же после этого, а там уже будет поинтереснее и пострашнее, а пока, от нечего делать, чтобы не болтаться по обшарпанным коридорам районного суда, люди решили скоротать время здесь.

Среди скужающей публики, которая развлекалась разговорами и даже поеданием бутербродов, не было ни одного, кто бы хоть как-то переживал за судьбу подсудимого. Даже его адвокат, уставшая пожилая женщина с потрепанным портфелем, вовсе не пыталась утешить своего подзащитного, как это происходит в американском кино или на наших процессах, где гонорары адвокатам исчисляются в десятках и даже сотнях тысяч долларов, а уткнулась в журнал «Хозяюшка» и шевелила губами над статьей о домашних соленьях и вареньях.

Словом, было до ужаса обыденно и серо.

Только в самом углу, никем не замеченный, сидел парень в черной куртке, уткнувшись в собственные ладони. Со стороны могло показаться, что парень спит. Он единственный не повернулся, когда ввели подсудимого. Но если бы кто-то пригляделся к нему внимательнее, увидел бы, что парень вовсе не спит. Плечи его изредка вздрагивали, волна дрожи пробегала по всему телу, и парень издавал еле слышный стон, вернее, даже не стон, а просто тяжелый вздох. В проходе между стульями у ног парня лежал обыкновенный полиэтиленовый пакет. Иногда парень быстро склонялся к этому пакету, раскрывал его и секунду смотрел внутрь. Могло даже показаться, что у него там живое существо и парень боится, что оно прогрызет пакет и сбежит. Но в пакете ничего не шевелилось. Вообще со стороны пакет выглядел пустым. И если там что и могло быть, то явно не продукты, даже не книга или тетрадь, а в крайнем случае авторучка.

Даже когда парень склонялся к пакету, лицо его разглядеть было невозможно, хотя он специально не прятался. Просто движение его к пакету и обратно было настолько стремительным, что глаз ничего не успевал заметить.

Подсудимый робко попытался привлечь внимание своего защитника, но та даже не обернулась, только досадливо махнула рукой через плечо. Подсудимый приподнялся с места, но охранник тут же гаркнул на него:

— Сидеть!

И мужичок снова послушно плюхнулся на скамейку.

Ему было страшно и тоскливо. Но не из-за ожидавшегося приговора. Мужичок о себе совсем не думал. Жизнь его в последнее время была из рук вон. Ночевал где придется, даже пару раз на улице. Квартиру свою он давно продал, правда с отсрочкой выселения. Деньги разлетелись за полгода — друзей оказалось у мужичка вдруг так много, что он и не всех мог припомнить по именам. Пили, ели, водили каких-то женщин, ночевали у него, но ровно до тех пор, пока одним прекрасным или, скорее, ужасным днем мужичок не понял, что денег не осталось ни копейки. Друзья испарились, как вода на горячей сковородке. Быстро и бесследно. А потом стали вдруг приходить, особенно по ночам, какие-то здоровенные мужики и сначала по-хорошему, а потом все строже говорить мужичку:

— Сгинь. Освободи жилплощадь.

— А куда же я пойду? — наивно вопрошал мужичок.

— Найдешь себе что-нибудь, — утешали гости.

А потом один раз избили его. И мужичок из дому сбежал. Все-таки друзья у него были, несколько раз он ночевал в их домах. Потом двери перед ним даже не открывали.

И тогда мужичок понял, что хочет есть.

Он просил подаяния на улице, но давали мало, к тому же снова появились здоровенные мужики, правда уже другие, снова избили, приговаривая:

— Не лезь на наш участок.

Мужичок пошел к себе домой, но там уже жили люди, которые его, разумеется, на порог не пустили, а пригрозили вызвать милицию. Он попросил у них хотя бы кусок хлеба, но ему не дали. Вот тогда он разбил стекло ларька и унес мешок батонов. Два из них он успел съесть. Тут его и подобрали милиционеры. Эти тоже избили его до полусмерти. И посадили в «обезьянник», где мужичка снова били.

Он надеялся, что хуже не будет, поэтому к предстоящему приговору относился спокойно. Боялся только, что не посадят, а заставят платить штраф. Денег у него никаких не было.

Поэтому тревожило мужичка что-то совсем другое. Эта тревога исходила не от двери, за которой скрылся судья с заседателями, а вовсе даже с другой стороны — из зала. Мужичок оглядывал собравшихся незнакомых людей, но им не было до него никакого дела. Вот мужичок и терялся, чего ж ему так страшно? Он хотел спросить об этом у адвоката, но та отмахнулась. Поэтому мужичок обиженно вздохнул и стал кусать ногти.

— Прошу встать, суд идет, — сказала секретарь суда.

Люди шумно поднялись. И только в этот момент мужичок понял, от кого исходит пугающий его ужас. Единственный человек в зале не поднялся — парень в заднем ряду. Парень этот сидел в зале уже давно, а мужичок так и не смог рассмотреть его лица.

Поэтому, когда судья, степенный мужчина с красивой шапкой седых волос, зачитывал приговор, мужичок смотрел вовсе не на него, а на парня в заднем ряду.

Только когда решетчатая дверь загоня отворилась с лязгом и охранник сказал лениво:

— Выходи, свободен, — мужичок понял, что его выпускают, что он может идти на все четыре стороны.

И мужичок вышел, наткнулся на адвоката, которая что-то спросила у него, а он даже не понял. Он все смотрел на парня. И теперь уже не отрываясь.

Парень встал. Подхватил с пола свой полиэтиленовый пакет — мужичок впервые увидел его лицо — и быстро, бочком-бочком, двинулся к судейскому столу.

Мужичок заметил, что руки у парня были в перчатках. Почему-то сразу же захотелось крикнуть, но у мужичка словно ком застрял в горле. Он ошалело смотрел на то, как парень пробился к уходящему судье, сунул руку в пакет, вынул оттуда что-то тонкое и блестящее,

потом другой рукой сзади взял судью за его седую копну, с силой запрокинул голову к себе и блестящим тонким предметом мощно чиркнул судью по горлу.

Только здесь мужичок закричал. Потому что кровавые брызги разлетелись во все стороны, голова судьи запрокинулась, а тело стало медленно заваливаться на первый ряд стульев.

Все обернулись на крик мужичка, и никто не заметил, как парень снова быстро, снова бочком прошел к выходу, даже задев мужичка локтем, и выскочил на улицу.

И только тогда люди обернулись к упавшему телу.

Лужа крови стремительно растекалась по полу. Ее было так много, что казалось удивительным, как она уместилась в одном человеке.

У мужичка схватило сердце, и он тоже упал, но на него, конечно, никто уже внимания не обращал...

Глава 2

Юрий Гордеев, член Московской городской коллегии адвокатов, проснулся под трамваем.

Первые несколько секунд он сумасшедшими глазами смотрел на тяжелые колеса, холодные рельсы и считал, что все это ему снится. Решил перевернуться на другой бок, чтобы дурной сон прошел и он увидел бы что-нибудь приятное — море, лес, грибы или хотя бы друзей.

И мысль и ощущение сошлись в одну секунду. Во-первых, он больно ударился головой о какую-то железяку, торчащую из-под днища трамвая, а во-вторых, он вспомнил, что вчера с друзьями зачем-то они решили после бурной пьянки прогуляться по городу и забрели в трамвайное депо. Забрести в трамвайное депо довольно сложно — ворота, забор, сторожа, наконец. Но, как говорил Александр Дюма, ангел-хранитель витает над пьяными и влюбленными. Юрий и его друзья почему-то проникли сюда, в депо, без всяких преград.

Потом было какое-то безобразие, кажется, они пытались водить трамваи, наверное, хотели устроить трамвайные гонки, но, к счастью, у них ничего не вышло. Кажется. Или вышло?

Нет, наверное, все-таки никаких гонок не случилось, а то Гордеев проснулся бы в отделении милиции в лучшем случае, а в худшем — в реанимации. А так он лежит под трамваем в луже солидола и пытается вспомнить вчерашний вечер.

— Стыдно, — сказал Гордеев сам себе и не узнал собственного голоса. Это был какой-то протухший, силпый, мерзкий голос бомжа с Казанского вокзала. — Противно, — заключил Юрий и стал выползать из-под железных колес. Сейчас ему только не хватало попасть в руки трамвайщиков и объяснять им, как он здесь очутился, показывать документы и вообще выдавать себя за честного человека.

В самом деле Гордеев был честным. Именно из-за его честности вчера и состоялась грандиозная пьянка. Накануне он выиграл в суде дело, в котором была масса подводных течений, рифов и прочих мин. На каком-то этапе некие доброжелатели посоветовали ему просто дать следователю на лапу. Но Гордеев в силу своей исключительной честности и не менее исключительной для людей его профессии брезгливости никаких взяток давать не стал. Он сам довел дело до конца, его подзащитному удалось отделаться всего годом условно, за что этот подзащитный и заплатил Гордееву аж тысячу долларов США. А как раз накануне суда Гордеев узнал, что за следователем, который вел дело, была установлена негласная слежка в рамках операции «Чистые руки». Поэтому, заплати Гордеев следователю взятку, сидели бы они оба рядом с подзащитным в уютной камере Матросской Тишины или Лефортово.

Следователь этот тоже отблагодарил Гордеева, принес две бутылки коньяка и чуть не руки целовал. Его даже не волновало, что Гордеев в суде, по сути говоря, выиграл, то есть вставил этому следователю перо в задницу.

Правда, как теперь с трудом соображал Юрий, коньяк тот был какой-то левый. Не так уж они много вчера выпили. Всего три бутылки на пятерых крепких мужиков. Но развезло всех безобразно.

Гордеев знал, что сотрудники наших правоохранительных органов кое-где порой изъятую паленую водку или коньяк вовсе не разбивают картинно перед телекамерами, а пускают в оборот, но уж если не сами на этом греют руки, то ящик-другой прихватить для личных нужд не считают зазорным. Видать, коньяк был как раз из такого ящика.

Все это Юрий вспомнил, ползя по-пластунски к забору трамвайного депо. Забор этот теперь казался Юрию непреодолимым. Тем более что где-то совсем рядом раздавались голоса.

И все же Юрий дополз до забора и даже попытался на него влезть. Увы. Ни руки, ни ноги Гордеева не слушались. Они жили сами по себе, а Юрий где-то в другом измерении.

Юрий присел у забора и глубоко задумался. Собственно, особых проблем не было: в кармане лежало как минимум девятьсот долларов США, оставшихся после вчерашнего гонорара. За такие деньги его доведут до самого дома и даже на руках внесут в квартиру.

Юрий уже собирался позвать кого-нибудь, чтобы воплотить этот шикарный план, как обнаружил, что никаких денег в кармане нет. Ни долларов США, ни рублей РФ, ни копейки. Это было уже совсем грустно. Куда пропали деньги, Юрий так и не вспомнил. Он сидел и тосковал. Вчерашняя эйфория сменилась сегодняшней трагедией. Дело в том, что денег не было не только в карманах Юрия. Их не было дома, не было на книжке, да и самой книжки не было, как не было кредитной карточки и счета в Швейцарском банке. Зато было много долгов, которые Юрий как раз и намеревался вернуть сегодня. Впрочем, сидеть и тосковать было бессмысленно. Гордеев уже разрабатывал план медленного, но верного отползания до центральных ворот, а там по улице до своего дома, как увидел, что к ближайшему от него трамваю подбежала девушка в синенькой косынке и ловко вспрыгнула в кабину. Руки и ноги Гордеева не слушались, но ум-то ему никогда не отказывал.

Последними усилиями воли он поднялся на ноги, доковылял до открытых дверей трамвая с девушкой и упал на сиденье.

Ему повезло, трамвай выехал из депо и пошел по маршруту как раз мимо дома Юрия.

Через полчаса он уже отмокал в ванной, пытаясь одновременно набрать номер телефона хотя бы одного из вчерашних своих гостей. Но никто из них трубку не поднимал. Может быть, все они еще почивали под трамваями, как давеча сам Гордеев. Отчаявшись дозвониться, Юрий бросил телефон и взялся за губку, когда аппарат зазвонил сам.

— Да, — прохрипел Гордеев и снова подумал, что с таким голосом ему месяц надо сидеть дома и на людях не показываться.

— Простите, это Гордеев?

— Он.

— Меня зовут Вадим Викторович. Фамилия Локтев. Мне вас порекомендовал Антоненко. Помните такого?

В этот момент Гордеев вообще мало что помнил, но Антоненко он не забывал никогда.

— Бориса?

— Бориса.

— Помню.

— Так вот, господин адвокат, у меня проблема. Не могли бы мы встретиться?

Гордеев тяжело, но беззвучно вздохнул. Сейчас бы он с удовольствием послал куда подальше и Антоненко, и его протеже, но вспомнил, что в кармане пусто, а жить на что-то надо и надо, в конце концов, отдавать долги.

— А что за проблемы? — выговорил Юрий.

— Имущественный спор, — деловито ответил собеседник.

— О чем речь?

— О кино.

— То есть?

— О кино. Приезжайте, поговорим. Но лучше бы сегодня. Или мне приехать к вам?

— Да, знаете ли, лучше вы ко мне, — обрадовался Юрий.

— Хорошо. Когда?

— К двенадцати вас устроит?

— Вполне.

И трубку положили, не спросив даже адреса.

А, ну да, Антоненко...

С Антоненко у Юрия была большая и сильная история.

Впрочем, сейчас Юрий о ней вспоминать не хотел. Ему бы сейчас собраться с самыми первостепенными мыслями, чтобы встретить клиента во всеоружии.

Имущественный спор — это всегда, в общем, неплохие деньги. Из-за мелочей люди судиться не станут. Но и возни будет много: обе стороны нанимают лучших адвокатов, борьба идет не на жизнь, а на смерть. Во всяком случае, у Юрия уже так было один раз — истец не выдержал напряжения и помер перед самым оглашением решения суда. Выигрышным, между прочим, решением. Вот тогда Юрий уже в который раз убедился — все суета, все тщета.

К двенадцати часам Гордеев был побрит, благоухал одеколоном «Эгоист» и даже мог собирать лоб в морщины, симулируя задумчивость. Все-таки коньяк был какой-то диверсионный. Никак не отпуская, сволочь.

Но Юрий придумал, как выйти из положения. Он приготовил магнитофон, решив, что запишет весь разговор с клиентом на пленку, а потом, когда мысли перестанут беспробудно спать, прослушает все и все поймет.

Ровно в двенадцать в дверь позвонили.

Юрий открыл и замер. Поначалу ему показалось, что, вместо того чтобы распахнуть дверь, он включил телевизор. Лицо человека, который стоял на лестничной площадке, было до неприличия знакомо, знаменито, известно. Это был кинорежиссер, мелькавший по всем каналам в разнообразных программах о кино. Его наверняка можно было бы назвать классиком кино, если бы Юрий видел хотя бы один фильм Локтева. А так, скорее, это был классик разговоров о кино. Что в нашей стране, очевидно, уже одно и то же.

— Господин Гордеев? — осведомился классик.

— Да. А вы Вадим Викторович? — сделал вид Юрий, что гостя не узнал, что вообще телевизор не смотрит.

— Можно просто Вадим.

— Можно просто Юрий, — ответил любезностью на любезность Гордеев. — Проходите. Локтев выдвинул вперед свой атташе-кейс и вошел в квартиру, словно ледоход.

Они устроились в гостиной, которая была по совместительству спальней и кабинетом. У Гордеева, собственно, была однокомнатная квартира. Да, это не очень похоже на быт адвокатов, но Гордеев и не был похож на людей этой уважаемой и очень прибыльной профессии.

Локтев устроился в кресле, а Гордеев, незаметно включив магнитофон, сел напротив и подпер щеку кулаком.

— Слушаю вас.

Локтев открыл кейс и достал оттуда бумаги.

Этого еще не хватало. Разбираться сейчас в бумагах у Гордеева не было ни сил, ни желания.

— Вы могли бы рассказать мне своими словами, — попросил он, — а документы я посмотрю потом.

— А это не документы, — улыбнулся Локтев.

Он передал Гордееву бумаги, которые оказались фотографиями.

— Что это? — спросил Гордеев, удивленно рассматривая фотографии, на которых знаменитые актеры были в каких-то странных костюмах.

— Это — кино, — сказал Локтев. — Так сказать, рабочие моменты.

— Кино?

— Да. «Отелло», с вашего позволения.

— «Отелло»?

— Ага, Вильяма, нашего, Шекспира, — процитировал известную комедию Локтев.

— Интересно, — сказал Гордеев, чтобы хоть что-то сказать.

— Вот об этой картине и речь.

— Да-да, — сказал Юрий, откладывая фотографии и снова подпирая ладошкой щеку.

— Я режиссер-постановщик картины. А материал, то есть отснятую пленку, продюсеры мне не отдают.

— Мгм.

— Вот я и хочу восстановить справедливость.

— Ясно.

Гордеев перестал подпирать рукой щеку, потому что понял, что сейчас просто уснет.

— Собственно, это и все, — сказала Локтев, укладывая в кейс фотографии. — Все документы — договора, контракты, соглашения — я отксерил, оставляю вам. — С этими словами он вынул из кейса другие бумаги и положил перед Гордеевым на стол. — Вы почитайте. Там, кажется, есть зацепочки.

— Отлично.

— А по поводу гонорара... Десять процентов от суммы вас устроят?

— М-м-м, — неопределенно промычал Юрий, не справляясь с потоком информации.

— Фильм стоил десять миллионов долларов, — пояснил режиссер.

— Э-э...

— Ну хорошо, пятнадцать, но это предел.

— А-а...

— Семнадцать, — рубанул воздух режиссер. — Двадцать процентов аванса и остальное по завершении дела. — Он снова полез в кейс и выложил на стол довольно внушительную пачку долларов.

Гордеев уронил голову. Случайно, но этот жест был воспринят режиссером как полное согласие.

Он тут же извлек из кейса новую бумагу и подвинул к Гордееву. Это был договор.

— Тогда подпишите.

О, если бы это было возможно!

Гордеев тоскливо посмотрел на Локтева, а тот улыбнулся, снова нырнул рукой в свой кейс и достал бутылку.

— Это спирт, — сказал он. — Помните, как учил лечиться Воланд?

Через десять минут договор был подписан.

И вообще жизнь стала налаживаться.

Глава 3

...Он плачет как маленький ребенок, которого отшлепали. Громко, со слезами, со страхом и с надеждой оглядываясь по сторонам.

А я не плакал. Потому что если плакать, то они сразу увидят, заметят тебя и тоже начнут обижать.

А этот все продолжает плакать. Двое держат его за руки, двое за ноги, а один... Это больно, это очень больно, я знаю. Меня самого так таскали на двор три дня и в очередь по пять человек... по пять этих... ну внешне они похожи на людей, даже очень. Даже, наверное, они люди и есть. Но я не плакал, честно, совсем не плакал...

Я сижу в самом темном углу моей темницы, моей крепости, и стараюсь не обращать внимания. Стараюсь не видеть и не слышать. Потому что этого нельзя видеть, нельзя слышать, нельзя знать. Потому что это не происходит на самом деле. Просто этот мир дал какой-то сбой, разладился на какое-то время, Бог перестал следить за нами и отошел куда-то по своим делам. И все, как маленькие дети, принялись шалить. Оделись в какие-то страшные костюмы, стали играть в злых разбойников, хватать то, что не положено, делать то, что запрещено, бегать, где нельзя. Но это ничего, это пусть. Вот скоро Бог вернется и все опять станет на свои места. А пока главное — перетерпеть, не играть с ними в их игры. Потому что это нельзя, потому что за это обязательно накажут. И того, который ходит за дверью и смеется, накажут, и тех, которые держат за руки Женьку, и тех, которые его за ноги держат. Ему же больно, неужели они не слышат? А разве мама не учила, что никому никогда нельзя делать больно? Вот за это и накажут...

Кажется, перестал плакать. Вот сейчас его приведут сюда. Главное — не попасть под кинжал яркого солнечного света, который полоснет по полу, когда откроют дверь. Если попадешь — больно стеганут стальным тросом и будет потом долго болеть. У меня до сих пор болит нога. Вот тут, вот синий рубец. Это еще он заживает, а пару дней назад... Они всегда хлещут, если попадешь под луч солнца.

Гремит замок снаружи. Я быстро прыгаю в самый угол и прячусь за кучей соломы. Вот по стене полоснуло светом, вот он глухо упал на пол, и вот гроыхнула щеколда снаружи. Теперь можно тихонько выбираться. Немножко полежать не шевелясь и тихонько выбираться...

— Суки, мрази, всех порву... Порву всех, мрази... Суки, с-суки...

Женька тихо лежит на полу, скрючившись, как будто он еще в маме, и скулит. Когда нам плохо, мы всегда вот так вот подождем коленки и притворяемся, будто нас еще нет здесь. Как будто это все начнется только потом...

— Поесть не принес? — Я наконец выбираюсь из соломы.

Нас не кормили уже три дня. А может, тридцать. Тут у времени нет счета. Потому что Бог ушел и забрал время с собой.

Женька натягивает штаны и, всхлипывая, застегивается. Стараются не смотреть. Ему стыдно. А я вот считаю, что этого нечего стыдиться. Стыдиться сейчас вообще незачем. Бог ведь ушел, — значит, можно не стыдиться. Главное сейчас — выжить. А уж потом, когда Он вернется...

Нет, сегодня нам поесть, наверно, так и не принесут. Уже самый разгар дня, значит, и на работу не поведут, пасти их стада и возделывать их сады. Значит, и там не удастся поесть. Значит, нужно забиться в угол и спать до завтра. Спать, спать, спать.

Но заснуть так и не получается. Потому что дверь опять начинает греметь и опять кинжалом по земле. И вталкивают еще одного.

Его лицо еще не обросло. И лицо хоть все и в крови, но еще круглое. И мышцы на руках все еще мощные. Значит, он недавно из того мира. Значит, не будет нам покоя.

— Эй... — тихим хриплым голосом зовет он. — Эй, есть кто живой?

Мы с интересом смотрим на его рваную одежду. Серый свитер и потертые рваные штаны. Но ботинки наши. Значит, уже успели где-то переодеть.

— Мужики, вы чего? — Его глаза наконец привыкли к темноте, и он разглядел меня и Женьку.

— Ты нам поесть принес? — Женька перестал плакать и теперь тоже с интересом смотрит на него.

— Чего? Откуда? — Он куском рукава вытирает разбитую бровь. — А вы тут давно уже?

Ему страшно, он еще не понял, как очутился в этом мире и вообще что это за мир. Он с ужасом оглядывается, щупая на прочность стены и запоры. Он еще не понимает, что это наша крепость, что это единственное наше убежище. От них.

— Эй, вы че? Чего вы молчите? — Он наконец делает первый шаг, вливаясь тем самым в пространство темницы. — Меня Эдик зовут.

Гремит замок, и мы мигом бросаемся по углам. А Эдик не бросается, потому что еще не знает. И в следующий миг с воплем падает на землю. И катается по ней, и кричит, и хватается за плечо.

— Тише, не кричи! — Женька подскакивает к нему и тянет в угол. — Не кричи, а то еще хуже будет. Сейчас они вернутся и...

— Да пошел ты, крыса! — Эдик бьет его ногой, и Женька падает. — Чем это они?! Звери, гады! Да я вас голыми руками душил! И вас, и сучек ваших, скоты! Мало я вас перерезал! Вас зубами грызть надо!

Через минуту он успокоился. Отполз в угол и тихо стонал, то и дело трогая распухающее плечо.

— Когда открывают дверь, нельзя попадать в свет, — спокойно объясняет Женька, который уже забыл, как сам вот так же катался по полу и скулил. — Это у них такая игра. Если попадешь в свет — хлещут тресом. Очень больно.

Потом Эдик стал рассказывать. Долго говорил о том, как его взяли, как долго били потом, как он хотел убежать, но не получилось. Он думает, что нам это очень интересно, что он рассказывает какие-то важные и нужные вещи. Каждый человек думает, что его жизнь должна волновать всех так же, как и его самого.

— А ты как попался? — спросил он, толкнув меня в бок.

— Какая разница. — Я поворачиваюсь на бок и закрываю глаза. — Отстань.

— А ты? — он толкает в бок Женьку.

— Не знаю, — бормочет тот. — Не помню.

— Как это?

— Да так. Освободили село, в дом зашли, заснули. Проснулся уже в яме.

— Че, серьезно? — Эдик захихикал. — Ну ты даешь. Надо ж так лохануться.

Он все еще не может смириться с тем, что он здесь. Он все еще прокручивает события, поворачивая их так и эдак, стараясь то ли лазейку найти, то ли убедить себя, что все от него зависящее он сделал. Как будто теперь есть разница. Как будто он теперь чем-то будет отличаться от Женьки.

Опять гремит замок, и теперь все бросаются по углам. И никого не задело кинжалом солнца. Но они все равно вваливаются, с гогом, к крикам хватают новенького за ноги и волокут во двор.

— Козлы! Падлы! Пустите! — орет он, хватаясь за мои ноги, за косяк двери, за жухлую траву. Его лупят ногами по животу, по голове. Но он еще сильный. Он еще не смирился. Он еще продолжает орать.

— Пустите! Лучше сразу застрелите, а то я вас всех!..

Он еще долго ругается. Потом просто орет. Потом просто плачет, пока они ломают его волю. Они обязательно должны сломать волю. Так всем легче. И им, и нам. Когда нет воли, больше не хочется убежать, больше не думаешь о том, что нужно что-то делать. Не нужно ничего делать. Просто ждать. Ждать, когда вернется Бог. Или заберет к себе.

— Выходить! — кричит один из них, гроыхая замком.

И тут уж мы бросаемся к двери. Чем быстрее ты выскочишь, тем меньшее количество раз тебя ударят.

На улице очень ярко. Дует ветер и ярко. И еще чувствуешь себя голым.

— Садись! — меня толкают на какой-то стул у стены.

Я сажусь. Я уже знаю, что будет дальше.

— Читай вслух! — мне суют листок бумаги.

Я даже не смотрю на этот листок. Я уже все знаю наизусть.

— Дорогая мама, забери меня отсюда, мне здесь очень плохо. Сделай все, как они скажут, и тогда меня отпустят. Они сказали, что, если ты не заплатишь им, сколько просят, они меня убьют. Мама, мне тут очень плохо, нас все время бьют и не кормят, если нет денег, продай дом, только собери. Я тут долго не выдержу...

Потом меня бьют, чтобы было еще страшнее. Но меня уже долго бить не надо. После двух ударов я уже почти ничего не чувствую.

Потом очередь Женьки. Пока он читает, пока его бьют, я тихонько сижу у стены и незаметно. Тут не любят, когда оглядываешься. Тут за это могут выколоть глаза. Я видел одного такого. Ему выкололи глаза за то, что он смотрел, как отрезают голову его земляку. Потом его даже не охраняли. Он бродил по двору и собирал упавшие яблоки. Его подвели к краю обрыва и для смеха отпустили. И потом долго смеялись, когда он радостно шагнул в никуда. Тогда мне было жаль его. Теперь, иногда, я ему даже завидую.

Женька уже сидит рядом. Ему разбили нос, но кровь почти не идет.

А вот Эдик читать не хочет. Орет что-то, на него набрасываются и начинают бить.

— Не хочешь?! Жить хочешь, а читать не хочешь?!

Он катается по земле, а его все лупят и лупят ногами, подняв облако пыли. Потом старший кричит что-то и бить перестают. Сажают его на стул, берут руку и...

Мы уже знаем, что будет дальше. Палец завернут в тряпку и отправят домой вместе с кассетой и письмом. А через несколько дней он все равно будет читать. Или ему отстрелят еще один палец.

В награду за то, что хорошо все сделали, мы с Женькой получаем по два черствых черных сухаря из сухпайка и горсть сушеного инжира.

— Бегом в подвал, бараны!

Мы вскакиваем, хватаем полумертвого Эдика и волочем его в подвал. Быстрее, быстрее, пока они еще хохочут.

Ну вот, все. Гроыхнула щеколда, и теперь опять можно не бояться. Я забираюсь в свой угол, накрываюсь старыми халатами и достаю из кармана сухарь. Грызть его не получается: могут выпасть зубы. Но если все время сосать, то постепенно он размякнет и превратится в горьковатую кашу. Я ничего не помню вкуснее.

А потом можно будет наконец спать. Сон — это единственное, что они еще не контролируют. Нет, они уже там есть, но еще не контролируют.

И потом, всегда есть надежда, что, когда ты проснешься, уже вернется Бог...

Глава 4

— ...Зверское убийство произошло вчера вечером прямо в здании Таганского суда. Прямо в зале заседаний сразу после вынесения приговора был убит судья Бирюков Эльдар Васильевич. По показаниям очевидцев удалось создать фоторобот нападавшего, по которому вскоре удалось установить личность преступника. Им оказался...

Но дальше Юрий слушать не стал. Крутанул ручку, и радио, взвизгнув, стало голосом Николая Фоменко сыпать разными пошловатыми шуточками. Передняя машина наконец дернулась и преодолела еще двадцать метров пути.

Юрий сидел за баранкой и с тоской наблюдал за пешеходами, которые неторопливо обгоняют его и исчезают в чреве станции метро. Эх, с каким бы он сейчас удовольствием спустился в это самое метро вместе со всеми. Проехался на бы эскалаторе. Мама любила его называть «лестница-чудесница». «Юрания, поедem на лестнице-чудеснице кататься!» — говорила преувеличенно радостным голосом, и он уже знал, что его опять потянут к зубному врачу замазывать очередную дырку от конфеты. Как же давно это было. А теперь он передвигается в своей жестяной скорлупе за пять тысяч долларов, потому что адвокат не может ездить общественным транспортом, поскольку это сильно подрывает его деловую репутацию. Чушь какая.

Передняя машина дернулась снова и преодолела еще полсотни метров. Еще два таких броска, и можно будет нырнуть в переулок, выскочив из крепких тисков пробки.

В кармане встрепенулся и задрожал сотовый телефон.

— Алло! — Юрий прижал трубку плечом к уху. — Да, Гордеев слушает.

— Товарищ Гордеев, вас из компетентных органов беспокоят, по поводу вашей налоговой декларации.

— А что вас в ней интересует? — Гордеев широко улыбнулся. — Я сплю спокойно. А вот ты, господин Антоненко, со всех своих взяток налоги заплатил?

— Да пошел ты! Никак тебя не подколешь! — незло выругался Боря Антоненко, его бывший однокашник по юрфаку, а ныне следователь Таганской прокуратуры столицы. — Мог бы хоть раз подыграть для приличия.

На подобные довольно однообразные шутки Бориса уже никто из знакомых не покупался, и это обстоятельство Антоненко, считавшего, что у него есть чувство юмора, сильно смущало.

— В следующий раз обязательно. — Юрий еле успел затормозить, чуть не «поцеловав» переднюю машину. — Давай выкладывай, чего звонишь, а то у меня ж тикает.

— Чего тикает? — не понял Борис.

— Денежка. Рубли. Даже не рубли, а центы. Ты ж по сотовому звонишь.

— А-а-а, — догадался наконец Борис. — Тогда понятно. Ну слушай, скупердяй, я тебе дело одно накатить хочу. Легенькое, простое довольно. И громкое. По старой дружбе.

— Что за дело? — поморщился Юрий. Не очень он любил такие вот «дружеские подарки». Ничего хорошего обычно они не сулят.

— Ты про убийство Бирюкова слышал?

— Бирюкова? — Гордееву эта фамилия показалась знакомой. — Это кто? Не тот лидер мытищинских, которого грохнули на прошлой неделе?

— Не-е, это судья. Его вчера...

— А-а, вспомнил! — Юрий хлопнул себя по лбу. — Только что по радио слышал. В одно ухо впустил, а в другое, соответственно... А что, убийцу взяли?

— Ага, ночью и взяли. Вернее, не взяли, а сам пришел.

— Что, с повинной? — удивился адвокат.

Передняя машина двинулась с места, он за ней. И, увлекшись разговором, пропустил спасительный переулок. Теперь придется тащиться до следующего.

— Адвоката у него пока нет. А я расследую это дело. Моя обязанность позвонить в юридическую консультацию, поскольку сам он себе адвоката искать, похоже, не собирается. Я и позвоню, естественно, но сначала решил с тобой связаться. Дело простое, парень сам на себя доносит по полной программе, к тому же свидетелей куча. Ну как?

— Тебе прямо сейчас сказать надо? — Юрий поморщился. С одной стороны, дела, где явка с повинной — подарок для любого адвоката. Тут тебе и все улики на тарелочке, и весь спектр смягчающих вину обстоятельств. Но с другой стороны, он не очень любил такие вот «подарочные» дела.

— Да, прямо сейчас. Мне в вашу консультацию надо звонить. Допрос и все такое, сам понимаешь. С твоим заведующим я договорюсь, запрос на адвоката сейчас вышлю. Так как, берешь или нет?

— Да, беру, — неожиданно для самого себя ляпнул Юрий. — Так и быть, выручу тебя на этот раз.

— Это еще кто кого выручит! Ладно, к трем часам жду тебя у главного входа в следственный изолятор, в Бутырке.

— Договорились. — Адвокат посмотрел на часы. — Если к трем часам я вообще из этой чертовой пробки выберусь.

— Ну тогда пока.

— Пока. — Гордеев отключил телефон и сунул его в карман. — «... Мальчишки по вызову! Ноль два! Работаем круглосуточно!» — не переставал острить по радио никогда не иссякающий Фоменко.

Наконец Юрий вырулил свою жестяную скорлупу в переулок и помчался по узкой дороге, виляя на поворотах и распугивая жирных московских голубей. Через двадцать минут он был уже у здания своей десятой консультации. До трех часов была еще куча времени...

С Борисом Гордеев был знаком уже лет сто. Еще до юрфака. Вместе подали документы на юрфак, вместе поступили. Нельзя сказать, чтобы они были большими друзьями во время учебы. Так, приятели. Борька вообще с парнями как-то не дружил. Его увлечением были женщины. Хотя «увлечение» — это очень мягко сказано. Это была его страсть, его жизнь. Стоило на горизонте появиться женщине хоть немного красивее экскаватора, как он забывал обо всем на свете. Все его разговоры, все его мысли были только об этом. За первый семестр он умудрился переспать со всеми однокурсницами, со всеми студентками на год старше и даже с двумя преподавательницами, за что чуть не был отчислен: одна из них оказалась любовницей декана, и до старика как-то дошел слух о похождениях новоявленного Казановы.

Именно из-за этих вот выкрутасов с Антоненко никто и не хотел дружить. Его боялись пригласить в гости, боялись знакомить с подругами, просто недолго любили за то, что он пользовался большим успехом у прекрасного пола.

По-настоящему Гордеев и Антоненко подружились уже потом, после института, когда оба по распределению попали в одну прокуратуру. Вот там вдруг и сошлись. Было дело. Подставили Юру дальше некуда. Попросту — подвели под него бабу. Гордеев никогда не считал себя красавцем. Уродом тоже не был. Одним словом, без особых примет. Таких лепят для ФСБ. Они ездят на неприметных машинах, одеваются неброско, предпочитают слушать, а не говорить, иногда рассказывают выдуманную историю об авиа-авто-лавина-пожар-паром — «Эстония»-катастрофе, где погибли родители, чем вызывают сочувствие и ответную болтливость. Еще чуть-чуть, и можно было бы потянуть на «вора на доверии», но такая квалификация при-суца личностям ярким. И по внешности тоже.

Одним словом, под Юру подвели бабу. Эффектная блондинка, она появилась в кабинете как родственница обвиняемого и сразу стала неровно дышать в сторону молодого следователя. Кому не понравится? Юре понравилось. Он всю пыхтел над делом и, сколько ни предупреждал его опытный по женской части однокурсник, с головой ушел в роман. Он уже не искал

улики и вещдоки, сам не замечая, как превратился из следователя в адвоката обвиняемого. И тогда Антоненко взял бабу на себя. Более того, сделал так, чтобы Гордеев поймал их на квартире. А когда у Гордеева «открылись глаза» на женское непостоянство, он вдруг взглянул на дело своего обвиняемого с правильной точки зрения. Быстро доказал его виновность и благополучно упрятал мерзавца за решетку. Гордеев с удовольствием отправил бы туда и мадам, но в ее действиях не было состава преступления. Вот так они стали друзьями. Потом Гордеева взяли на подхват в Генеральную к известному «важняку» Турецкому, откуда он ушел у адвокаты, а Антоненко остался на Таганке. Адвокат, проработавший в следственном аппарате пусть даже несколько лет, ценится куда больше, чем адвокат с институтской скамьи.

Эта недавняя пьянка несколько выбила из колеи, но опять же по наводке появился счастливый случай в лице Локтева Вадима Викторовича с его процентами. Он перечитал все бумаги, представленные режиссером. Не вязалось. Не вязалось в стройную систему защиты имущественных прав. Черт его знает что. С тех пор как развалили старый Союз кинематографистов, все взаимоотношения между студией и режиссером, между режиссером и коллективом вспомогательных производственных цехов, которые раньше четко регламентировались инструкциями и постановлениями лохматых годов, в нынешних условиях стали малопродуктивным подспорьем. Не доросли до Запада и потому применяли в финансовых соглашениях кто американскую модель, кто европейскую, кто и вовсе свою собственную. Необходимо было разобраться. Найти мало-мальски сведущего человечка, который бы по-семейному разобъяснил и показал наличие грубых швов, а то и дырок в современном устройстве кинопроизводства. И такой человек у Гордеева был. Актер-эпизодник Миша Калинин. Когда-то Гордеев взялся его защищать и защитил. Теперь Миша должен был отработать свое. Дело в том, что Миша как-то ехал со съемочной площадки не переодевшись. Как был, то есть в форме капитана милиции. Был слегка под хмельком. А тут к женщине пристали. Будучи джентльменом по натуре, но главное, ощущая давление на плечи капитанских звезд, смело вмешался и превысил все мыслимые пределы необходимой обороны. Так поработал над хулиганом, что тот три месяца лежал в больнице, а вышел оттуда инвалидом третьей группы. Вот вам и процесс. Пресса раздула. Миша был в милицейской форме. Фиктивный милиционер забил до полусмерти гражданина N. И милиция обиделась. Использовал форму для хулиганской выходки. На показания потерпевшей уже никто почти не обращал внимания, а скоро ее вообще перестали вызывать для дачи ненужных ведомству МВД показаний. Гордеев три месяца искал свидетелей. Тех, кто ехал в тот день в одном вагоне метро. И нашел. И выиграл. И распил с Мишей бутылку водки после судебного процесса.

К нему-то в Орликов переулочек и свернул с кольца Гордеев.

Калинкин жил в коммуналке, но вышел в коридор открывать в белых сатиновых трусах с синими лампасами.

— Кого я вижу... Друг Юрий... Проходи, не мешкай. Пивка с яишенкой? Никаких «нет», — поволок он Юру в свою берлогу.

— Что ж ты в трусах-то? Женщины ведь в соседях... — укорил своего бывшего подзащитного адвокат.

— Женщины? — изумился актер. — Какие это женщины? Единственную знаю женщину — мать. Вот та была женщиной. А эти так... Яйца мне побили, сволочи, представляешь?

— Как побили? — в свою очередь изумился адвокат и посмотрел на Мишины трусы.

— Да не эти... В холодильнике. Льда им захотелось. Извинились. У них отключился, а мой старичок пашет. Вот они среди ночи и полезли. А свету нет.

— Но купили?

— Яйца-то? Купили. Куда денутся. Ты пивка давай. Как правильно говорит реклама — НАДО ЧАЩЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ!

Выпили пива.

— Я к тебе по делу... — начал Гордеев.

— Куда от этих баб деваться. Слышишь?

По коридору ходили.

— Сейчас постучат, — констатировал актер, и действительно постучали.

— Михаил Николаич, вы чайничек с плиты снимать будете? Ой, да у вас гости приличные... Ну тогда я выключу. Вы заварку у меня можете взять. Потом отдадите.

— Скройся. Ко мне правозащитник пришел. Ему твой чай до лампочки. Знаешь, что в Китае с твоим чаем делают?

— Пьют, наверное, Михал Николаич.

— Как же, пьют. У них этого чая — море. Они им ноги моют... А потом только пьют.

Голова соседки скрылась.

— Никуда от них не спрятаться. Они ж мою мать знали. И меня вот таким. Теперь нет душе покою.

— Разменяйся.

— С кем? Кто в такую дыру пойдет? Пробовал. То им район не тот, то еще что... Я так думаю, они клятву дали извести меня.

— С этим, положим, я тебе помогу. Есть человек в прокуратуре. Спит и видит помехаться. Он и расселит. Против прокуратуры ни одна бабка не устоит. Ты вот просвети меня в другом. По дружбе. Есть гаврик один. Режиссер. Картину закончил, а монтировать не дают. Композитора навязали. Это же деньги. Договор читаю. Все правильно. Права не имеют. Но не допускают. Негатив арестовали.

— Тут вода мутная. Никто никому своих договоров не показывает. Коммерческая тайна. Так. Те, что в деле лежат, может быть, и не те совсем. Раньше все по-другому было. Студия с режиссером заключала отдельно, и оговаривали, что предоставляют режиссеру. Все права у студии. Теперь черт ногу сломит. Кто смел, тот и съел. Его могли с договором обжечь. Включили пунктик расплывчатый, а он не посоветовался. Вернее, его попросили никому не говорить и ни с кем не обсуждать ни суммы, ни условий. А в деле-то совсем другой договор. Я схожу к дружбану на студию, образчик достану. Ты и сравни. Но не сегодня. Сегодня у меня банный день. Горячую воду без ржавчины дали.

— Ладно. О квартире подумай. Я твой телефончик следаку подкину. Позвонит. Борей зовут. Антоненко. Не провожай. Сам найду.

Гордеев вышел в коридор. Там его ждала соседка.

— Вот молодец. Я сразу поняла, приятный человек. Водку не принес. А то он как напьется, всю ночь мать вспоминает. Плачет. А наутро злой и ничего не помнит. Нешто можно так.

— Так нельзя, — согласился Гордеев и, выйдя, подумал, что Миша, может быть, и не Смоктуновский, но мужик хороший, открытый. Такие теперь редкость.

Гордеев решил поехать в Таганскую прокуратуру. Можно Борису сообщить о квартире, да и о деле узнать поближе, но тут же вспомнил, что randevu у него назначено в три, и не в прокуратуре, а в следственном изоляторе. Гордеев не любил эти изоляторы. Подследственные попадали в комнату для допросов измочаленные, особенно в летнее время, и первые полчаса просто приходили в себя. Некурящий Гордеев в таких случаях непременно захватывал с собой сигареты и термос с горячим чаем или кофе. Одно время ввели драконовские правила. Запретили все, кроме документов по делу, а все из-за одной адвокатессы, которая пронесла подзащитному его же наган. Шуму тогда было много. Трясли всех. Он так и не понял и не хотел даже пытаться понять, зачем она это сделала. Влюбилась? Чушь. Перед ней были не шиллеровские персонажи и не Робин Гуд. Боря тогда сказал, что это от завихрения мозгов и неправильного менструального цикла. Но факт оставался фактом — принесла.

Единственное, что он успевал еще сделать, — купить сигарет. До встречи оставалось сорок минут. Он оставил машину на платной стоянке у метро «Новослободская» и пошел пешком. День был солнечный. Тополя уронили первый пух, а мужики в летнем кафе наслаждались холодным пивом. Всего этого незнакомый ему клиент был лишен со вчерашнего дня, и от его, гордеевской, смекалки и расторопности, от способности логически мыслить и облекать свои мысли в понятные формы зависела судьба и в том числе срок лишения пива его подзащитного. По тем скудным данным, что он получил из телефонного разговора, сейчас даже не мог представить себе психологический портрет того, к кому шел. Зарезать в зале суда и не моргнув глазом, не подняв паники в первые секунды после преступления выйти из помещения — это, братцы, не каждому дано. Это, братцы, стальные нервы надо иметь. Или... Или очень большое желание. Почти запредельное.

Вот и арка...

Вот и вход...

— Антоненко уже здесь? — поинтересовался он у дежурного.

Дежурный сверился с бумагами и назвал номер кабинета для допросов.

Антоненко его дожидался. На столе перед ним лежали бумаги и диктофон. Чуть в стороне горбился парень лет двадцати. Впрочем, и за один день камера СИЗО может накинуть. Был он коротко стрижен и с двумя веселыми макушками, выделяющимися четко, как на срезе сросшегося дерева. Такие рождаются счастливыми, подумал Юрий, но тут же себя подловил — какое уж тут счастье...

Он отдал Боре ордер на защиту, а потом вытащил из портфеля пачку сигарет и кинул на колени парню. Парень вздрогнул от неожиданности, но сигареты поймал, а поймав, поднял на адвоката поразившие его голубые глаза.

Боря Антоненко не одобрил приятеля. Вздыхнул, отложил бумаги, которые заполнял.

— Вот, господин адвокат, знакомьтесь — Игнатъев Игорь Всеволодович. Двадцать два от роду, родился в Рязани, служил на Кавказе, преступление совершил в столице... И в кого у тебя глаза такие голубые?

— В маму.

— Ты закуривай, в камере отберут, — посоветовал Юрий.

— Я не курю, но в камеру возьму, — сказал Игорь.

— Давай рассказывай, как докатился до жизни такой. Теперь с тобой будет адвокат.

— Я не просил. И вчера все рассказал.

— А мы еще раз хотим послушать. Я тут набросал план здания суда и зала заседаний. Крестами помечено. Взгляни. А теперь ты заполни. Поставь крестики, где стоял сам, где судья, маршрут движения. Может, ты себя оговариваешь?

И Антоненко улыбнулся тонкой улыбкой иезуита.

— Ничего не оговариваю. Я же сам пришел. С повинной.

— Это мы еще выясним. Тебя где взяли? На ступенях Таганской прокуратуры его взяли. Девчонка из суда, секретарь, в парикмахерскую зашла. Тут же за углом. Она и опознала. Его стригут под ежа, а она узнала... Сразу выскочила — и за нарядом, — пояснил Антоненко Гордееву.

— Правильно. Я сам пошел в парикмахерскую, чтобы вы здесь ржавыми машинками не стригли. А потом вышел и к вам через дорогу с повинной. Только не дошел. Наряд меня раньше взял. На ступенях.

— Орудие преступления нашли? — спросил Гордеев.

— Я послал оперов к нему домой. Произведут изъятие, привезут в прокуратуру.

— Как же ты его? Чем?

— Ножницами. Чик по горлу, и все. Портной нашелся. Раскроил, что называется, горло судье. Теперь ни залатать, ни перелицевать, — пошутил Антоненко.

— В морге заштопают, — в тон ему пошутил Игорь.

— А ты мне не выпендривайся. Не очень похож на крутого. Мы-то с тобой разберемся по закону, а вот как в камере будут разбираться, одному Богу известно и твоему вертухаю. Сиди рисуй... Пойдем, господин адвокат, покурим, пока он нам Карла Брюллова сыграет.

Антоненко вызвал в кабинет контролера, а они вышли в коридор к окну.

— Сложный пацан, — сказал Юрий.

— Отнюдь. Я ему буду вышку катать, а ты про чистосердечное, трудное детство, Кавказ, а еще лучше — с присяжными. Они треть приговоров косят.

— Ты зачем на столе схему оставил? Он же все по твоей схеме.

— Или наоборот.

— Я тут тебе адресок нарыл. Позвони. Может, что получится.

— Район какой?

— Орликов переулок.

— Класс! Давай сюда свой сотовый. Не волнуйся, сам заплачу. С меня причитается...

И следователь прокуратуры Борис Антоненко аж затрясся от предвкушения обмена. Кто его знает, может, в этот раз повезет?

Глава 5

В юридической консультации было малолюдно.

Впрочем, Гордеев увидел, что в коридоре его уже ждали.

— Это он, — шепнул кто-то.

И с деревянных скамеек поднялись трое — раскрашенная пожилая женщина в ярком платье, с темными кругами под глазами и двое мужчин неопределенно зрелого возраста, довольно упитанные, с напускным равнодушием на лицах.

Юрий еще издали заметил, что они прореагировали именно на его появление, но все-таки нарочно проскочил мимо них, ожидая первого шага с их стороны, их инициативы, по которой сразу можно многое определить и о характере будущего клиента, и о цели визита.

— Вы — адвокат Гордеев? — Женщина с печальными глазами, стыдливо потупившись, отстранилась от компании, выступила вперед и обратилась к нему, когда убедилась, что он подошел именно к этой двери и уже открывал ключом дверь. Вдруг она стремительно подняла вопрошающий взгляд, будто не в силах сдержаться... Так томно и доверительно!

— В чем дело? — рефлексивно отшатнулся Гордеев.

— В Московской городской коллегии адвокатов нам посоветовали обратиться именно к вам, так как вы — один из специалистов такого высокого класса в таком... специфическом, я бы сказала, вопросе, как... авторское право, — начала объяснять женщина, неуверенно теребя в руках маленькую кожаную сумочку с круглыми золочеными застёжками.

Гордееву стало ясно, что в этой компании верховодила она. Но, увы, что-то, видимо, произошло, от чего пошатнулся ее непрочный авторитет. Эти два мужика покорно ждали, пока она начнет. А она слишком лебезит и выпендривается перед ними.

— Проходите, — Юрий жестом пригласил ее в свой кабинетик. И обратился к мужчинам: — Вы вместе?

— Одна команда, — нехорошо скривился один из них, выдавая свою враждебность к даме.

Они прошли следом.

— Располагайтесь, — входя, Юрий хозяйским жестом указал на стулья, а сам, открыв форточку и поставив пепельницу перед посетителями, с удовольствием сел за свой такой рабочий, такой письменный, такой привычный и удобный стол. Достал бумагу, ручку: — Я слушаю вас.

Женщина с томными глазами села поближе к столу. Вдохнула, прогнулась, приготовившись к долгому монологу, но...

— Начну я, — встряхнувшись, решительно сказал мужчина в сером костюме и испытующе посмотрел на пожилую женщину. После секундной паузы ехидно добавил: — Если вы не возражаете, гражданка... Татьяна Федоровна?

— Ну что ж, — сначала она удивленно и раздраженно вскинула брови, но, мгновенно сообразив, переменилась — печально выдохнула, потупив очи, и достала из сумочки сверкающий портсигар с дорогими сигаретами. — Я буду... Время от времени... Скромно дополнять ваш рассказ.

— Сколько угодно, — второй мужчина, неуверенно стоявший посреди комнаты, определился наконец и уселся вместе с первым. — Это ваша обязанность!

— Прежде всего хотелось бы осветить историю вопроса, — начал первый. — Некоторое время назад Татьяна Федоровна Гризун, присутствующая здесь, будучи производителем, то есть ответственным за финансовую часть...

— Продюсер, — хмыкнула Татьяна Федоровна. — У нас... В кино это так называется.

— Как скажете, — раздраженно отмахнулся рассказчик. — Сути дела это уже не меняет. Так вот...

— Извините, — видя, что обстановка накаляется прямо на старте, остановил его Юрий. — Сперва давайте решим, по адресу ли вы попали? Собственно говоря, мы еще не определились, в чем суть проблемы? Могу ли я вам помочь?

— Суть в том, что нас кинули! То есть — обокрали! — широко улыбнулся второй мужчина. — И не только нас одних! Эта самая. Продю-у-сэ-эр! Как она себя называет. Пусть так!

— При чем здесь авторское право? — поднял лицо Гордеев. — Давайте не уклоняться от сути.

— Да при том! В самой сути! — Второй встал и, подойдя к столу, наклонился к адвокату. — Мы деньги на кино дали? Я спрашиваю, дали или нет?

Юрий только пожал плечами.

— Дали, — Татьяна Федоровна, скрывая испуг, вытащила из сумочки круглую жестяную коробочку, скovyрнула выпуклым красным ногтем крышку, и у нее в руках оказалась индивидуальная походная пепельничка — длинную палочку пепла своей дорогой сигареты она стряхнула не в общую пепельницу, а сюда. — Дали! В конце-то концов... Но каких трудов мне это стоило...

— Стоп, стоп, стоп! — почти рукой остановил ее решительный второй. — С этого места буду рассказывать я! Как понимаю. Я человек простой! Как песня про войну!

— Успокойся, Алик, — к нему подошел товарищ. — Я тебя прошу. Успокойся и сядь.

— Вместе сядем! — огрызнулся Алик. — С этой... Как она там себя называет.

— У нас в кино это обычная, штатная ситуация, — продюсерша кивнула Юрию как своему. — Вы же знаете. Творческие личности... Яркие индивидуальности... Не то что...

— Ха-ха! — рывкнул Алик, плюхаясь на стул. — Толян, эти пидоры у них называются индивидуальностями! Слыхал? А у нас, у простых нефтяников, они называются жопошниками! Ясно? Тоже еще мне — кино, вино и домино! Богема!

— Успокойся, Алик! Мы сюда не за этим пришли. — Анатолий сел рядом с товарищем и обратился к адвокату: — Суть вот в чем. Мы, то есть нефтяная компания, дали деньги на кино. Большое. Европейское. Фестивальное. Чтоб засветиться покруче. В Европе. И, естественно, денег откатать. По мере возможности. Но тут получилось...

— Мы же думали — классика! — снова кипятится Алик. — А тут... От такой засветки — в жопу!..

— Вот она! — Анатолий вытянул руку и почти в упор ткнул Татьяну Федоровну в ватную грудь. — Она торгует тем, что ей не принадлежит! Деньги взяла она! А все права на фильм ей не принадлежат...

— Какая чепуха! — возмутилась Татьяна Федоровна. — Вы же не понимаете нашей специфики! Я же не лезу в ваши дела! А тут... Элементарная мелкая... Досадная неувязка... Несколько... Все время меняются расценки, курс падает... Я рассчитывала чуть позже оформить договоры. Все заготовлено, составлены тексты. Но люди такие стали!.. Хищные! Корыстные. — Татьяна Федоровна всхлипнула и с негодованием погасила сигарету, аккуратно пересыпала пепел в общую пепельницу. — Они безжалостно пользуются моей доверчивостью. Теперь, когда благодаря этим... господам... я оказалась в безвыходном положении... Они подло требуют невозможного! И суммы увеличили! И требуют колоссальных предоплат. Это в то время, когда еще не полностью погашены задолженности перед цехами студии. И перед группой.

— Короче, — Анатолий встал и подошел к столу адвоката. — Эта шмара химичила с бабками. Естественно, без договоров. Без бумаг вообще. Чтоб нагреваться по всем статьям. А теперь получилось, что режиссер будто бы ни с того ни с сего вспучился! Я так думаю, он посидел в засаде. И оказалось, что он — владелец всех авторских прав на фильм. И наших денег!

— В любом случае не всех, — успокоил его Юрий. — А кто этот режиссер? Что за фильм?

— Вы наверняка слышали. — Татьяна Федоровна, довольно убедительно изображая оскорбленную невинность, отошла к раскрытой форточке, якобы чтобы вздохнуть и успокоиться. Поглядела на улицу, где был неудобно припаркован ее помятый старенький «мерседес». — Режиссер — крупнейший мастер нашего кино. Автор известнейших шедевров! Его зовут Вадим Викторович, его каждый знает. Конечно, только он один и может ставить такой грандиозный проект, как «Отелло».

— Локтев? — не выказал удивления Гордеев.

— А кто же еще? Работа еще не закончена, — повернулась от окна Татьяна Федоровна. — А эти... Кто-то им нашептал всякие гадости... Вы же знаете, — она улыбнулась Гордееву, — какие у нас доброхоты. Вот эти... и затрепыхались.

— Но, но! — приподнялся Алик.

— Тише, — Анатолий удержал друга.

— Но их можно понять, — невозмутимо продолжила продюсер. — Не разбираясь в специфике нашего производства...

— Стоп, стоп, стоп, — оживился Анатолий. — При чем здесь специфика? Для нас это только коммерческое предприятие. Давай так и рассуждать! Съемка закончена. Остался только этот... монтаж...

— И все мы понимаем! — рявкнул Алик. — Мы что, Шекспира не читали? Да мы его в опере видели!

— В театре, — уточнил Анатолий.

— На сцене то есть! И не был он гомиком! — нервничал раскрасневшийся Алик. — Ну... Был, правда, мавром. Это еще ничего. А тут... Кассио ревнует Отелло к Дездемоне! Отелло этого Кассио привез с войны! У них фронтовая любовь! А тут эта Дездемона... С политическими интригами. Да нету же этого у Шекспира!

— Новое прочтение классики! — Татьяна Федоровна поглядела на Юрия Гордеева с таким выражением, будто извинялась за дикий идиотизм посетителей.

— Какое еще новое прочтение? — Алик хотел встать, но его снова удержал Анатолий. — Ничего такого не было, когда мы контракт подписывали. И деньги переводили. Если б мы знали, что это порнуха для пидоров, да мы бы...

— Ничего себе — засветились бы в Европе! — нервно хохотнул Анатолий и, раскинув руки, откинулся на спинку. — Да нас бы на любом пляже!.. После такого киносеанса.

— Не надо воду мутить! Вам все заранее предоставили. Вы читали постановочный проект. И режиссерскую экспликацию. — Продюсерша снова достала сигарету. — Целый месяц вы нам голову морочили. С деньгами. И потом!.. Кино, искусство для вас — не главное в этом проекте. Вы же...

— Не будем устраивать разборок, — перестал ерничать и серьезно нахмурился Анатолий. Татьяна Федоровна испуганно исподлобья взглянула на него.

— Простите, — Гордеев поднялся из-за стола и прошелся по кабинету. — Прежде чем приступить к работе, я должен предупредить вас вот о чем... Дело в том, что я действительно специалист в области авторского права. Это пока еще совершенно новая отрасль, если можно так выразиться, в отечественной юриспруденции. У нас не так много специалистов. Вот и случаются иногда некоторые казусы.

— Мы платим бабки, — Алик похлопал себя по карману.

— Это очень заманчиво, но... Сегодня я уже получил одно выгодное предложение. — Юрий снова сел за стол.

— Вадим Викторович опередил нас? — улыбнулась Татьяна Федоровна, пуская дым по-мужски через ноздри.

— Вы угадали, — кивнул головой адвокат.

— А нам что делать? — расправил плечи Алик. — Может, есть еще кто-нибудь? Кого вы посоветуете?

— Чтоб они обработали нас на пару? — ухмыльнулась Татьяна Федоровна.

Образовалась нехорошая пауза. Озадаченный Алик разглядывал поочередно всех присутствующих.

— Ситуация только на первый взгляд странная, — спокойно сказал Анатолий. — Ничего страшного не произошло от того, что он прибежал сюда первым.

— Любопытно, — хмыкнула Татьяна Федоровна. — Он для вас слишком крупная фигура, чтоб с ним цапаться?

— Мне кажется, что у Вадима Викторовича претензии могут быть исключительно к продюсеру фильма, это так? — издали начал свои рассуждения Анатолий.

— А к нам какие могут быть у него претензии? — догадался и поразился простоватый Алик.

— Никаких. Все его отношения на производстве — как договорные, так и не договорные, производственные и личные, — все только через Татьяну Федоровну, — развивал свою мысль Анатолий.

— Да я его и видел-то только два раза. — Алик пожал для убедительности плечами. — На презентации проекта. Когда мы ездили в этот... Как там его? И потом, когда подписывали контракт.

— Не перебивай, — цыкнул на него товарищ. — Я понятно излагаю? Все правильно?

— Я слушаю вас, — адвокат отложил ручку и внимательно посмотрел на Анатолия. — Мне кажется, я понимаю, о чем вы хотите сказать.

— Все элементарно. У нас тоже претензии к продюсеру этого проекта. К Татьяне Федоровне Гризун. Имущественные претензии. Так что... Мы пришли точно — по адресу. Мы хотим объединиться с великим режиссером современности. С классиком отечественного кино. Не ошибаюсь, Татьяна Федоровна, именно так вы представляли нам Вадима Викторовича?

— А разве так можно? — удивился Алик. — Ну, Толян! Я догоняю! Ты — гений! Толян, давай, я тебя поцелую! Вот это финт! Да теперь мы эту шмару!..

— Простите, — Юрий погладил волосы. — Мне еще нужно посоветоваться с клиентом. При совпадении интересов истцов по одному делу... Тут у нас есть свои тонкости. Это... Чисто профессиональные...

— Я же сказал! — вскочил энергичный Алик. — Мы отстегиваем бабки! Сколько нужно на первое время?

— Это вопрос для обсуждения. Но после моей консультации с клиентом, — уклонился Гордеев.

— Вряд ли я вам нужна сейчас. И не умоляйте! Я вас все-таки покидаю. Тем более что мне срочно нужно посоветоваться со своим юристом. Мы еще увидимся. — Татьяна Федоровна обиженно поджала губы и спрятала сигареты с пепельницей в сумочке с золотым замочком.

— Еще как! — обрадовался Алик. — И не раз!

Продюсерша неторопливо подошла к двери, взялась за ручку, медленно обернулась с таким изгибом, подняла накладные ресницы, чтобы сказать последнюю, самую значительную, финальную фразу, бросить им в наглые морды...

— Кыш, профура! — махнул на нее рукой по-настоящему наглый Алик. — Нам тут кое-какие профессиональные дела обквкать надо. С глазу на глаз!

— Ах, — выдохнула Татьяна Федоровна и, чуть покачнувшись на шпильках, с достоинством вышла из кабинета.

Алик вопросительно посмотрел на товарища, вольно раскинувшегося на стуле. Тот дождался, пока дверь плотно закроется.

— Так что? — наконец Анатолий поднялся со стула. — Будем дело делать? Бабки вложены хорошие. Есть возможность их откачать?

— Есть, — уверенно сказал адвокат. — Иначе такие дела не делаются.

— Что для этого нужно?

— Сначала я поговорю с клиентом.

— Берем его в долю! — Алик рубанул кулаком воздух. — Он мужик хваткий. Не откажется.

— Я должен с ним встретиться, — уперся Юрий.

— Сегодня позвони ему, обо всем договорись. Сначала, ясный пень, по-хорошему, — командовал Алик. — Объясни... дотошно. Чтоб, значит, дошло.

— Это правильно, — поддержал его Анатолий. — Но если он откажется от нашего общего дела... Если вдруг... Что, конечно, маловероятно... То ты... Господин Гордеев... Юрий... Извини, не знаю отчества. Будешь работать с нами. Только с нами. Как человек и специалист. Обещаю, не пожалеешь!

— Уверен, что мы договоримся. Мой клиент так же, как и все мы, заинтересован в том, чтобы поскорее завершить проект, пустить кинокартину в прокат. То есть реализовать его на родине и, конечно, в Европе и получить законное вознаграждение. — Юрий Гордеев пожал крепкую руку Анатолия. — Было бы хорошо, если бы на днях мне организовали посещение киногруппы. Нужно поговорить с людьми.

— Да! Общественное мнение тоже на нашей стороне, — улыбался Анатолий. — Она своей дурацкой экономией достала актеров, операторов, гримеров! Всех! Алик, скажи ей, чтоб собрала всех для встречи с адвокатом.

— Это сделает Локтев. Надо разобраться в создавшемся положении, — Юрий протянул ладонь Алику, — с юридической точки зрения. И определиться, что и как мы хотим. Наверняка все специально и профессионально запутано. Вы не знаете, кто у нее юрист?

— Мы с тобой всех уделаем! — сурово сдвинул брови Алик.

И было непонятно, чего больше в его словах — благих обещаний или страшной угрозы.

Глава 6

«...Вериги, кандалы, оковы, разного рода железные цепи, кольца, полосы, носимые спасающимися на голом теле для смирения плоти. Прежде накладывались на руки или ноги преступникам. Вериги апостола Петра — цепи, в которые он был закован в Иерусалиме по приказанию Ирода Агриппы, а в Риме по воле Нерона. В V в. императрица Евдокия привезла одни в Константинополь в церковь св. Апостолов, другие в Рим. Поклонение чудотворным Веригам празднуется 16 января...»

БСЭ, «Христианство»

...Самое страшное одиночество, когда ни с кем не хочется поделиться тем, что произошло за день. А чем делиться-то? Это там, под голубым, прозрачным небом, там, где волею ветра и стихий носятся облака, принято делиться или не делиться. И есть разные степени, чем и с кем можно делиться. Слово-то какое сладкое — делиться. Мы уже давно не разговариваем. Сначала запрещали, а теперь и самим не хочется. Из всего хотения больше всего хочется покоя.

Говорят, если попытаться низвести человека до уровня животного, он все равно будет стремиться к чему-то вышнему. К звездам, например.

Враги говорят, что от русских еще хуже. И всем было хуже.

Этого, второго, Эдика кажется, заковали. У них там праздник был. Его забрали. А когда принесли, он уже без сознания был. Вбили кольцо и приковали, чтобы с собой ничего не сделал.

А я сороконожку поймал. Она, наверное, никогда света не видела. Прозрачная вся. Можно смотреть внутрь нее, а когда ползет, я даже думаю, что чувствую, как ее ножки опираются о мою кожу. На самом деле нисколько не щекотно и не противно.

Когда попал в армию, первое время был в полном ужасе. Утром при команде «подъем» первым делом здоровался с ребятами. Здравствуйте. Доброе утро. Прозвали Граф. Уже потом понял, что такое скопище молодых мужиков в одном месте и ничем, кроме лозунгов, не объединенных непременно должно плодить вырождков и, чтобы не превратиться в одного из них, надо построить вокруг себя мысленный домик, наподобие улитки или рака-отшельника. И не высовываться. Только не высовываться, потому что любое проявление человеколюбия воспринимается окружающими как слабость, а разве я слабый? Разве не убивал расчетливо и со знанием дела? Все просто: если не ты, тогда тебя. И не будет уже домика, а главное, его содержания — души моей. Неповторимой. Единственной в своем роде. Но не уникальной, потому что не обладаю я никаким особым талантом.

Вот она ползет по моей руке, добирается до начала рукава фуфайки и останавливается в задумчивости. Есть два пути. В темноту под ватин или в полумраке по ватину.

Господь говорит, врагов надо прощать. Наверное надо, но только после того, как их повесят.

А кусочек свободы перестал быть чернильно-черным. Скоро рассвет. Когда нас увезут отсюда, здесь наверняка оборудуют огневую точку. Очень удобно. В сектор обстрела попадает почти вся улица.

Я не позволяю себе думать о приятном. Если думать о приятном, можно быстро сойти с ума. Только не воспоминания. Кошмарно просыпаться после очередного красочного сна. Уж лучше пусть снится продолжение дня. Если гордый — каюк. Ведь им главное — сломать, а когда внешне ломать нечего, когда им самим с тобой противно — легче. Женьке, я думаю, легче всего. Он уже ни о чем не думает. Ни о свободе. Ни о мщении. Даже о еде. Дадут — съест. Не дадут — спит. Во сне он иногда начинает мелко трястись. Так наш кот содрогался. Отец говорил, он вышел на охотничью тропу и теперь перед ним или воробей, или мышь.

Эдик уснул. Слезы облегчают жизнь. Уснул, — значит, можно спокойно подумать. Некстати свалился на нашу голову новенький. Теперь, пока его будут ломать, внимание к нам обеспечено. Они, конечно, не знают о китайском и вьетнамском способе содержания пленных, потому и действуют по старинке, по своей фашистской старинке. Сломать, растоптать, унижить, ввергнуть в бездну безразличия. Летеха правильно говорил, что азиаты изобретательней. Они несколько дней присматриваются к своим пленным, выявляют морально сильных. Их не более пяти на сто, но эти пятеро угроза всей системе содержания пленных. Их изолируют. Это потенциальные лидеры. Изолируют и усиленно охраняют, а если нет средств для содержания, просто уничтожают, а масса, лишённая вожака, инертна и занята только собственным выживанием. Тут и охрана может быть чисто номинальной. Все равно не побегут. Только время от времени надо устраивать акции устрашения. И все было хорошо. Сначала нас охраняли усиленно. Теперь только одна семья. Но с доставкой сюда новенького снова усилили охрану. Чаше стали наведываться к хозяевам. Шесть недель коту под хвост.

Никогда не смотри им в глаза. Можно выдать себя с головой. Движения должны быть вялы и точно рассчитаны. Я уже дважды ронял миску с едой. Теперь надо придумать что-то другое. Нельзя перебарщивать. Ты же помнишь, как застрелили того корреспондента с радикулитом. Он просто не мог донести вязанку дров из посадки.

Мы все погибнем, но не на Страшном суде, не вместе с принесенной на плащах Всадников Апокалипсиса вестью о нем. Крах в том, что вот сейчас, сию минуту, может быть даже секунду, человек убивает другого человека здесь ли, в Африке... Но уж если над моей бессмертной душой основательно потрудились и не у кого просить прощения, пусть будет как будет. Веру можно найти чудом, можно встречей, а можно в самых глубоких глубинах отчаяния, когда познаешь всеконечную, полную бессмысленность человеческой помощи извне. Скажешь себе тогда: да, по-человечески никакой надежды не остается. Но все-таки она не умирает. Она живет неосознанно и бессознательно от тебя самого, от измученного твоего тела, от затуманенного рассудка. Не способна никакая тьма погасить даже такой малюсенькой искорки, и чем глубже отчаяние, чем сомнительней угадываются признаки человечности в твоих мучителях, тем сладостней ощущать ее в себе, потому что потом придет черный день для твоих мучителей.

Когда Его распяли, он обратился к Отцу — ... прости им, ибо не ведают, что творят... Ведают, Отче, ведают. Ты покинул нас и тем освободил меня от обязательств перед моей бессмертной душой, ибо ВЕДАЮТ. Это даже лучше, что ты ушел. В какие края?.. Не будет вокруг меня ни чистоты, ни правды.

Что за шум снаружи? 66-й. Я научился их отличать по звуку мотора. Из окошка не разглядеть, а до рассвета еще часа полтора. С десятков. Не более. Гордые. Веселые. Непохоже, что за нами приехали. Похоже, привезли кого-то еще. Если на отдых, значит, нам опять на сухие макароны переходить из гуманитарной помощи.

Куда же ты ползешь, милая? Там я тебя могу случайно раздавить...

Он осторожно двумя пальцами снял сороконожку с воротника, пошарил руками в углу и нашел консервную банку. Опустил туда насекомое, загнул крышку и поднес банку к уху. Ему показалось, что услышал, как сороконожка возмущенно затопала всеми своими конечностями. Ничего. Пусть посидит. Так безопаснее. Он снова затолкал банку в угол и успокоился.

Два секрета было у пленника: банка, которую он хранил в углу, крышкой которой он намеревался воспользоваться в недалеком будущем, и пакет. Он сумел его сохранить главным образом потому, что при смене хозяев удавалось всякий раз находить укромное место. Носить пакет на теле постоянно не рисковал.

Давным-давно, в той, другой, жизни, все казалось исполненным значения. Даже танцы до упаду. В койку. Ритуальные блины на разговенье. Взгляды, которыми награждали девочки на вечеринках. Уход из института. И только теперь он понял, что выбора, собственно, никогда и

не имел. Выбирать надо было сейчас. Каждый день, каждый час, каждую минуту несвободы. А выбрав, ждать, как это умеют делать только звери, подчиняя все мысли и чувства, всю физиологию одному понятию — выжить. Все остальное потом. Потом.

Наверху топали сапогами, и с потолка подвала сыпалась мелкая, горькая пыль. Слов разобрать невозможно, да и те несколько, которые он выучил, все равно не позволили бы понять, о чем говорилось. Он вообще научился угадывать, что от него хотят, по жестам, взглядам, еле уловимой смене настроения тюремщиков. Человек ко всему приспосабливается.

Откинулась крышка погреба.

Вниз упал луч света. Не тот опасный дневной, на который, как на крючок, ловили желающие почесать кулаки, а от лампы.

— Эй! Свиня, на выход по одному... Живей, живей...

Акцент, понял пленник. Прибалт. Это было хуже, чем можно себе представить. Новообращенные всегда вынуждены доказывать свою нужность. Эти отморозки не гнушались ничем.

Пленники поднялись по приставной лестнице. Их вытолкали во внутренний двор.

На востоке алело. Вот-вот должно показаться солнце. Значит, сейчас заорет муэдзин. Хозяева совершат первый из пяти намазов, что означало несколько относительно спокойных минут. Совсем не холодно, но пленники дрожали. Может быть, это от свежего воздуха, который врывается в легкие, отгоняя последние остатки кошмарных видений, сопровождавших их в забытии. Но что же взамен? А взамен они видели сквозь открытые ворота ГАЗ-66 с откинутым бортом и в темной глубине несколько пар сапог и армейских ботинок на чьих-то ногах. Нет смысла гадать, принадлежат они живым или мертвым. Через несколько минут все выяснится.

Прибалт не молился. Сидел положив автомат на колени. Искоса поглядывал на пленных равнодушными глазами, но пленники знали цену такому равнодушию. Последует команда, и они недобро оживут. Ох как недобро.

Сука, подумал про себя пленник, мы им все после войны восстановили, лучшие в Союзе дороги сделали, пока вся Россия в развалинах лежала, а он, пидор, сюда намылился за сраного дедушку мстить, который мельницу при русских потерял. Но глаза, глаза надо прятать, не встречаться с ним взглядами.

Из дома стали выходить люди. Обряд исполнен.

Старший скомандовал, и их вывели на улицу. Все направились к выходу из селения. По дороге открывались другие ворота. На улицу выталкивали таких же опухших от побоев. Все очень походило на кадры хроники полувековой давности. И тусклый рассветный свет. И сгорбленные фигуры в разношерстной одежке. Только здесь никто не строил их в колонну, не отдавал приказов — все было понятно и без слов.

Сзади взревел мотором ГАЗ. Они посторонились и пропустили машину вперед, так что, когда подошли к лощине, машина с откинутым бортом стояла уже там, а на земле, сбившись в кучку, сидели пятеро.

Контрактники, понял пленник. Поняли это и все остальные, согнанные сюда со всего селения. Поняли, и, может быть, большинство даже не содрогнулось. Наоборот, отлегло. В ком-то, возможно, закипела кровь, но молчали. Знали — теперь не их черед. Теперь черед привезенных.

Отдельной толпой стояли жители селения. Пленник заметил тут и своих хозяев. Вполне мирные люди. Любой бы так посчитал. Но четверо сыновей из этого дома ушли на войну, и то, чем они там занимались, не составляло для пленника секрета — убивали.

И снова вперед вышел старший. Контрактникам приказали подняться. Расстегнуть воротники. Прибалт прошел, осматривая каждого на предмет нательного крестика. Если находил, срывал и кидал на землю.

Прикатали колоду.

Никто не предлагал пленным изменить присяге и встать под другие знамена. Все совершалось в полной тишине. Старшему подали тонкую ученическую тетрадь с именами контрактников. Он зачитал имена, общую вину и меру наказания — смерть. В другом исходе никто не сомневался. Только тогда по толпе сельчан прошла волна движения. Старики стояли молча, как и подобает, зато многие женщины закричали что-то гневно. Распалая себя и заводя толпу, одна из них выскочила вперед и рванула на груди кофточку. Посыпались пуговицы.

Да ведь это родственница наших хозяев, узнал ее пленник, точно. Она пришла в селение две недели назад. По обрывкам фраз он тогда догадался, что ее дом сгорел при штурме. Пленник не знал, были ли у нее дети и что с ними стало, но все эти дни, что она прожила наверху, ни разу не посмотрела в их сторону, даже тогда, когда он, выполняя работу по дому, таскал воду из колодца.

Надо же, тихоня, со злобой подумал он, эта сейчас что-нибудь выкинет. Он уже второй раз присутствовал при казни устрашения и знал, что может произойти с женщинами, если они себя заведут.

— Выше подбородки, сволочи! — выпендривался прибалт. — Глаза не опускать! Смотреть, свини!

Пленник знал, что такая команда неизбежно прозвучит. Кто присутствовал впервые, силился оторвать взгляд от носков собственных ботинок и взглянуть в глаза стоящим рядом с ГАЗ-66 и колодой. Смотреть было страшно.

И опять пленнику показалось, что происходящее — плохо организованная съемка. Но появился человек с топором, и даже не с топором, а с колуном. Ударом в затылок опрокинули на колоду первого.

Взмах... Раздался звук падающего с небольшой высоты на асфальт арбуза. Еще секунду назад живая человеческая голова с мыслями, воспоминаниями, чувством страха, а может быть, гнева раскрылась, и во все стороны полетели брызги. Тут же раздался гортанный голос старшего. Он не учел одного — этих брызг. Отряхиваясь, попятился от места казни. Колун решили заменить на обычную пулю, и вот тогда пленник содрогнулся во второй раз. На середину площадки выскочила все та же родственница. Откуда она ее достала, но в руках у нее была обычная плотницкая ножовка. Она кинулась к старшему. Тот махнул рукой и отвернулся.

Новый удар поверг следующего контрактника на мокрую колоду. И вот тут он закричал, когда стальные зубья вгрызлись в человеческую плоть. Три оставшихся контрактника сорвались с места с хриплым криком «ура» и кинулись на сторожей. Затрещали автоматы. В три секунды все было кончено.

Ты будешь первой, решил про себя пленник.

Глава 7

Следователь Борис Антоненко, как и обещал, перерыл в Главном управлении внутренних дел Москвы множество «висящих» дел и действительно нашел то, что искал. Память его не подвела. На самом деле за два месяца до убийства судьи Бирюкова точно таким же образом и, по-видимому, тем же предметом с тем же захватом, по описанию очевидцев, молодым человеком, очень похожим на обвиняемого, было совершено такое же дерзкое убийство.

Средь бела дня обычный незаметный покупатель, очевидно, чтобы выманить будущую жертву, придрался к чему-то на витрине, как-то зацепил продавщицу, устроил тихий скандалчик с владельцем торгового павильона, то есть киоска, на площади возле станции электрички Ховрино. Хозяин этой торговой точки, Михай Лотяну, зрелый, серьезный человек, семейный, двое детей, житель Москвы, уроженец Молдавии, вышел, чтобы разобраться, а покупатель без лишних слов схватил его сзади, заломил голову и одним движением перерезал горло.

Все произошло так стремительно и тихо, что даже стоявшие рядом покупатели соседнего киоска, по их письменным показаниям, слышали только топот уже убегающего убийцы и заметили только уже падающее бездыханное тело жертвы. Убийца всеми очевидцами описан со спины — убегающий мужчина среднего роста в темной куртке и синих джинсах.

Преступник скрылся, перебежав на другую сторону железной дороги по подземному переходу. И смешался с толпой у Ховринской оптовой ярмарки.

По заключению экспертов, смертельная рана была нанесена острым предметом... И так далее... Человеком, несомненно обладавшим определенными навыками, тренированным. Предположительно это мог быть военнослужащий, прошедший специальную подготовку к диверсионной деятельности на территории врага.

На месте происшествия был составлен протокол осмотра тела... Подробнейшее описание. Тело жертвы расположено... Приводится даже схема. Список вещей, обнаруженных при обыске тела жертвы. Одежда. Бумажник, часы... На шее цепь желтого металла... Интересно, горло перерезано, а цепь... В карманах... Ничего особенного. Это не грабеж. Кольца, деньги, ничего не взято.

Описание места происшествия. При обыске киоска было обнаружено... Так... Печенье... На витрине... В подсобном помещении... Банки маринованных помидоров и огурцов, шоколад, газированные напитки... Пять ящиков сигарет... Два ящика ликероводочных изделий без акцизных марок. И еще... Кроме этого в штабеле 15 ящиков... А под прилавком... Ага. Пакет полиэтиленовый, перевязанный зеленой канцелярской резинкой, содержащий 5467 российских рублей банкнотами различного достоинства (5, 10, 50, 100 и 500 рублей) и 1550 долларов США банкнотами по 100 (12 шт.), 50 (5 шт.) и 10 (10 шт.). Так, далее... Вот оно — в картонной коробке из-под импортной обуви (на этикетке указано изделие: итальянская фирма «Фаби», ботинки мужские, коричневые, размер 45) обнаружены: пластмассовые шприцы 0,5 куб. см в фабричной упаковке — 30 шт., ампулы без надписей с прозрачным содержимым — 185 шт., пакетики с белым мелкозернистым порошком — 10 шт.

Вот поэтому и притормозили со следствием. Наверное, списали на банальные наркоманские дела. Мол, ясное дело, покупатель-наркоман задолжал, попросил в долг, а продавец ему отказал... Обыкновенная история. Стандартная версия. Подпольный торговец марфетом налетел на своего же клиента. Искать в таких случаях практически бесполезно.

И в деле никаких зацепок.

Убийство судьи так же могло бы повиснуть, и повисло бы, если бы не простая случайность. Если бы не парикмахерская, если бы не бдительность этой девчонки — секретаря суда... Все и тут было бы так же идеально чисто. Никаких улик, следов, нет ясных мотивировок, только дежурные, механические версии.

Что-то настойчиво убеждало Бориса в том, что оба этих якобы казусных случая — дело рук одного человека. Что-то общее есть в этом. Даже видимая случайность, подчеркнутая немотивированность поступков... Оба убийства надо отрабатывать как два эпизода в деятельности одного преступника.

Если уж Игорь признает себя виновным в убийстве судьи, значит, и этого ларечника... Можно попробовать с ним... Обсудить.

Но слишком уж он... Домашний. Не похож на тренированного, как там пишут, матерого... Хитер? Или подстава?

Размышляя, Борис машинально чертил на листе бумаги красивые буквы, цифры, рисовал какие-то рожицы.

Позвонил Гордеев:

— Ну что, старина, ты готов?

— Не понял, к чему готов?

— Настоящий следок должен быть всегда готов!

— Не... Юрик, увы, но придется нашу встречу перенести. Ты же сам мне подсунул этого своего... актера Мишу. А тут еще у Зои... Помнишь, классический вариант коммуналки? Понимаешь, она в таком сволочном положении! Просто сердце рвется из груди, когда думаю, что ей нужно помочь.

— Та, что живет вдвоем с выжившей из ума мамой?

— Нет. Это была Вера, абсолютно иной случай. Зачем ты ее вспоминаешь? Проехали и проехали. Кто старое помянет, тому... Какой же ты язвительный! Нехорошо это, господин Гордеев. Будьте добрее к людям. Вас же гуманная профессия обязывает. И морально-этические принципы. Вы школу в детстве посещали? Или вы предали светлые идеалы юного строителя коммунизма?

— Ладно трепаться. Когда приходить?

— Я тебе сообщу. По телефону.

— Договорились. Только я поздно буду.

— А я в машину.

— Только не трепись подолгу. Бабки-то капаят.

— Отбой!

Но тут же снова раздался звонок. Теперь плачущая жена сообщила, что у непутевой дочки опять что-то стряслось в школе, что срочно что-то нужно:

— Приезжай немедленно. Ты как отец обязан вмешаться. Иначе у нас снова будут проблемы.

— Какая школа? Ведь лето на дворе!

— Готовь телегу зимой, а сани летом, — резонно заметила жена и положила трубку.

— А что говорила, о чем — ничего не понятно! — Антоненко пожал плечами, собрал бумаги со стола, аккуратно перевязал папки, сложил в сейф и запер.

На улице светило ласковое солнышко, суетливые и беззаботные прохожие сновали по улицам, разглядывали что-то в витринах ларьков и киосков. Столичные жители покупали, продавали. Кто-то из простых обывателей неудержимо приближался к преступлению, злоумышленники и их жертвы, они сходились навстречу друг другу, а кто-то счастливым случаем уже обречен избежать печальной роли жертвы. У каждого своя судьба.

Судьба же Бориса Антоненко непреодолимо влекла его по двум параллельным направлениям. Первым номером шел матерый человецище актер Миша с его злосчастной трехкомнатной квартирой, так невыносимо изобилующей чересчур заботливыми старушенциями. Соблазнительность этого варианта заключалась в географическом расположении квартиры. Престижный центр все-таки. А это что-то значит.

Не раздумывая долго, Борис подошел к телефону-автомату и, заглянув в блокнот, набрал номер:

— Алло, — отозвался хриплый мужской голос.

— Михаил, это вас беспокоит Борис Антоненко.

— Какая еще Антонина? — Михаил на другом конце провода явно обрадовался, звонко икнул и приготовился к долгому и приятному разговору, прислонился могучим плечом к ободранному обоям. Чтобы не качаться. И не потерять нить...

— Мойша! — закричали ему из комнаты. — Ты че, охлебел? Хорош базлать! Надо дело делать. Пока старухи не причапали. Мы уже разлили! По холодненькой.

— Ты будешь или пропускаешь? — взвизгнул голос, когда-то бывший женским.

— Я эту высоту пропускаю! — закрыв трубку ладонью, прокричал Михаил товарищам. И снова вернулся к прерванному любезному разговору: — А вы, милая Тоня, знаете меня как артиста по театральной сцене, по мировому экрану или... по жизни? Как прекрасного человека? Большой души...

Следователь Антоненко без труда догадался, что сегодня ехать в этом направлении бесполезно.

— Я вас знаю как человека громадного таланта и невыносимого сердца! Вы меня, конечно, не помните, — противным женским голоском прохихикал он в трубку, — а я вас люблю. Михаил! Всю мою жизнь я повторяю ваше имя! И так страстно! Я жить без вас не могу. А вы... Вы меня позабыли, недостойный! Так прощайте, неверный! Прощайте, негодяй! — Слово «негодяй» было произнесено собственным обычным голосом. И Борис, не дожидаясь слез раскаяния, повесил трубку.

Пусть пьянь помучается. Будет часа два соображать, кто это и почему? Пусть полистает старые записные книжки.

Борис достал свою квартирный блокнот:

— Так-с, — среди десятков адресов и множества цветных пометок он выбрал то, что нужно, — вот и мы...

Он набрал номер. Гудки.

— Зоя на проводе, — проворковал милый голосок.

— Это я, Борис. К тебе можно заехать?

— Жду.

— Целую, — Борис чмокнул в трубку.

Зоя недавно появилась в его бурной жизни, и произошло это совершенно случайно. При очередном варианте размена или обмена кто-то откуда-то не смог вовремя выехать, потому что у кого-то какая-то первая, кажется, жена не желала менять тот район на этот район. Борис, как опытный женовед, поехал уговаривать, выяснять обстоятельства... И внезапно!..

Зоя была так взволнованна, так мила и беспомощна! Так женственна и обаятельна... Что Борис целиком перешел на ее сторону и стал защищать только ее интересы.

Вскоре ему удалось сделать для нее великолепную комнату в этом же районе. И не только с выигрышем метража, но и весьма перспективную. Дело в том, что формальный сосед (который не жил в своей комнатенке, а был только прописан) предоставил ей свою жилплощадь для проживания (фактически сдал с предоплатой за год), а сам как афганский и чеченский фронтовик и ветеран Советской и Российской армии рассчитывал вскоре получить отдельную однокомнатную. По закону никого подселить к Зое не могли. Да и ходатайство организовали. По поводу дополнительной жилплощади. Как творческому работнику (Зоя работает переводчицей-синхронисткой.) Так что у нее, слава богу, сама собой образовывалась довольно приличная двухкомнатная персональная квартирка в столь любимом ею Щукинском районе.

Чисто деловые, обменные отношения с Зоей как-то незаметно и быстро переросли в неомрачаемое, но систематическое, большое и светлое чувство. Неомрачаемое пошлыми

разговорами о прошлом и будущем. В настоящем времени — настоящее чувство, которое подогревается частыми, но, увы, по понятным причинам, непродолжительными встречами.

Все и дальше было бы так же плавно и хорошо, если бы сосед не вернулся жить в свою комнату.

Он обрушился как снег на голову. Завалился поздно вечером, в самый неподходящий момент. Нагородил кучу каких-то оправданий, просьб, извинений. Пообещал вернуть часть денег... Помог перенести вещи в Зойкину комнату.

— Через месяц, максимум через два, — уверял он расстроившуюся соседку, — я снова уеду. У меня бизнес в Башкирии!

И тут же уютная девичья квартирka оказалась тесной конурой. Помятые «фронтовые товарищи из Афгана» и потасканные «тыловые подруги» непрерывной чередой сменяли друг друга на пятиметровой кухне, в ванной, в туалете. Со всех сторон огромной Отчизны приезжали старики родственники и парнишки-побратимы, привозили образцы водочной продукции каждый своего, местного производства. Дегустировали, шумно обсуждая и закусывая продуктами из Зойкиного холодильника. Тут же, не отходя, подписывали какие-то важные бумаги, часами звонили по межгороду и заказывали у кого-то для кого-то водку, водочку, водяру — целыми вагонами!

Зойка требовала какого-то элементарного порядка, уговаривала соседа раскошелиться и все-таки купить себе для жизни и работы другую, более достойную и подходящую квартиру, даже грозила Борисом, которого представила как чрезвычайно страшного «следователя по особо важным делам».

В пьяном виде сосед реагировал адекватно, соглашался на все условия, пугался, где надо, и с готовностью клялся больше никогда и никого не пускать на постой. Но, протрезвев, менялся до неузнаваемости, становился хищным, подозрительным, жадным. Покупать себе другую квартиру объявлял пижонством, так как государство ему обязано и так выдать, бесплатно! Прогонять приезжих родственников запретил. Ибо это, по его словам, разрушает устои российской семьи. А на припугивания следователем заявил, что, пока он ведет дела честно, налоги платит, до поры до времени даже уголовного дела на него не заведено! И ему некого бояться. А даже наоборот. При его рискованном бизнесе близость государственных органов, а тем более такого важного следователя, охраняет его. От происков жестоких рэкетиоров и конкурентов!

Зойка от всей этой мерзости запиралась в своей комнате. Плакала от бессилия. Ее совершенно вымотала постоянная борьба с грязью, шумом, толкотней. Из-за постоянных проблем с туалетом ей пришлось завести ведро с крышкой.

Это эмалированное ведро, которое Зойка стыдливо прятала под письменным столом, и вывело окончательно Бориса из терпения. Настало время решительных действий!

Пару раз он говорил с соседом-бизнесменом, но оба раза вхолостую, так как тот был пьян по служебной надобности, лез целоваться и божился:

— Борис! Я тебя уважаю! Только для тебя! Как я тебя понимаю! Тут такой вокзал, а тебе хочется побыть с девушкой. Все! Завтра уезжаю! Ты подбери мне хорошую квартиру. Я тебе заплачу, сколько захочешь. За посредничество. Не хочу я связываться с большими конторами. Много дерут. А ты... Вовка! Я тебе клянусь честью моей сестры! Во-ва! Вот тебе моя рука!

Потом он исчезал на пару недель. Приезжал злым и трезвым. Начинал свой бизнес с нуля. Опять дегустировал продукт, клялся и божился...

Оставался единственный выход из этого тупика — разменяться путем продажи. И Борис предложил соседу купить у Зои ее злосчастную комнату. Тот сначала обрадовался, стал решать, кого бы туда поселить из родственников? Или сделать кабинет?

Но, в очередной раз разорившись и протрезвев...

Вот и сейчас — сосед был в деловой командировке, зарабатывал, как обещал, на Зойкину комнату.

Борис купил у уличной торговли букетик каких-то пушистых золотистых цветочков, бутылку шампанского и недорогую коробку конфет.

«Может, из жратвы чего-нибудь прихватить? — заботливо подумал он. — Поганные соседские оглоеды опять, наверное, обообрали ее подчистую?»

Но не решился на такой подвиг. Исключительно по причине сходства поступка с опостылевшей семейной жизнью. А не из жадности. Если покупать все необходимое и нужное по хозяйству, как домой, то исчезнет желанная романтичность, загадочность и непредсказуемость свидания. Просто получится — две семьи. И все. Двойная тоска и двойная мерзость быта.

У Зойки соседских гостей не оказалось. Она сама открыла — заспанная, измученная.

— Ну ты мне и устроил! — зло прошипела она. — Я как в аду. Уже ничего не соображаю. Вчера на симпозиум филинологов опоздала. Ни причесаться, ни постирать, ни погладить! Я уже не говорю про питание. Поставила картошку жариться, а они сожрали прямо со сковородки. Извините, говорят, а мы думали, что вы — его жена. А на симпозиум кошатников как ведьма прискакала... Мне говорить надо, а я про соседа думаю. Он меня убьет. Или я укокошу кого-нибудь из его гостей. Чтоб другим неповадно было жрать чужое.

— Я с ним еще поговорю! — Борис, хорошо зная, что тот в командировке, решительно направился к соседской двери. — Что ты себе позволяешь? Ведь я же предупреждал тебя! Все, больше никаких церемоний!

— Сейчас он в командировке. Отправился с дружеским визитом в братскую Чувашию. А я отсыпаюсь. Пока никого нет. Спать, спать, спать...

— Я тебе помогу, — Борис снял пиджак и туфли. — Мне сегодня не надо рано уходить. Зойка села на диван, раскрыла коробку конфет.

— Ты бы лучше водки принес, — сказала она, сонно разглядывая этикетку на бутылке шампанского. — Знаешь ведь, что я шипучее не люблю.

— Да, — вздохнул Борис, понимая, что веселья, увы, и здесь не получится. — А ты это попробуй. Тебе понравится.

Он, громко выстрелив, откупорил бутылку и налил с бурной пеной в две чайные чашки.

— Ты просто волшебник! — Немножко отпив, Зойка без чувств повалилась на подушки. — Укрой меня пледом, — тихо попросила она. — А уходить будешь, не захлопывай дверь. И закрой своим ключом... И проверь. Покрепче. Чтоб его родственнички не налезли. Надо бы дустом все засыпать. Чтоб не приползали...

— Спи, моя милая. Спи, — разочарованно сутулится Борис, укрывая хозяйку. — Все у нас будет хорошо. Это временная ерунда. Все можно изменить. Все изменится к лучшему. Вот увидишь.

Он на цыпочках отошел к окну и, усевшись на подоконнике спиной к догорающему закату, снова углубился в свой потрепанный квартирный блокнот, разыскивая среди подчеркнутых, перечеркнутых, помеченных цветными фломастерами адресов, номеров телефонов, фамилий, имен, дат и названий риэлторских фирм счастливые, заветные варианты лучшей жизни — для всех!

Глава 8

На следующее утро Юрий Гордеев пораньше отправился на киностудию. Ехать было недалеко, но он выехал за час, учитывая возможные пробки и трудности с парковкой, о которых заботливо предупредил Вадим Викторович.

Вчерашний вечерний разговор с Локтевым по телефону, как и ожидалось, был простым и легким. Вадим Викторович, узнав о предложении инвесторов, кажется, даже обрадовался, что у него появились такие влиятельные и мощные союзники.

С видимой стороны ситуация предельно упростилась: съемочный период закончен, кинокартина отснята, осталось смонтировать и озвучить, близится, а кое для кого уже и прошел заветный час расплаты... Пройдошная Татьяна Федоровна рассчитывает свести к минимуму возможные выплаты. И исключить совладельцев. По максимуму.

Но по некоторым вскользь брошенным замечаниям Вадима Викторовича можно предположить, что невидимая часть проблемы таит в себе опасные неожиданности. Работать без законного документального оформления отношений одинаково опасно для обеих сторон. Что там она наворочала? Что придумал ее юрист? У нее положение явно провальное. Ужасающее! Но она же занимается этим, что-то делает! И какими деньжищами ворочает! Что-то ее держит. Или кто-то. Надо с людьми встретиться, потолковать. И незаметно определиться, с кем имеем дело? Кто стоит за ней? Если получится...

В любом случае бумажной работы предстоит много. И хотя сумма гонорара от увеличения количества клиентов значительно не умножилась... Зато уверенность в ее получении — упрочилась. Многократно. Эти парни шутить не будут.

— А сумма, — вслух закончил свои рассуждения Гордеев, вырубивая к студии, — вовсе не так уж... А очень даже! Симпатична!

На проходной ему по паспорту выдали разовый пропуск и объяснили, как пройти в административный корпус.

Немного поблуждав по огромной территории, Юрий все-таки нашел «главную площадь» и здание «с термометром».

На третьем этаже стены коридора увешаны красивыми фотографиями. Знакомые лица любимых актеров в любимых и знакомых фильмах.

По обе стороны коридора за полуоткрытыми дверями видны современные офисы, везде полно народа — все спорят о чем-то, доказывают, ругаются. Мерцают мониторы компьютеров, строчат принтеры, факсы.

Совершенно неожиданно навстречу Юрию вышел высокий молодой эсэсовец в парадном мундире, увешанном Железными крестами. Кивнув изумленному Гордееву, как знакомому, он зычно крикнул за спину:

— Изыди, окаянный! Не мешай текст учить.

Затем двое причудливых, иностранных наверное, студентов проволокли носилки с помятыми и в некоторых местах насквозь пробитыми картонными арбузами.

Комната киногруппы «Отелло» находилась почти в самом конце коридора. Гордеев вежливо постучал, открыл.

В просторной комнате на диванах собралось человек десять. И все они угрюмо уставились на входящего Гордеева.

— Извините, — видя смущение гостя, навстречу ему поднялась полная румяная девушка. — У нас тут... Вы первый, наверное, кто постучал в эту дверь.

— Отнюдь! — энергично возразил ей морщинистый старичок из-за стола. — Я сам видел, как незабвенный Яншин, замечтавшись в коридоре, нечаянно постучал и спросил позволения войти! А было это... Это случилось... Кажется, в пятьдесят пятом.

Румяная девушка работала на картине ассистентом режиссера по актерам. Как минимум два поколения ее предков были здешними кинематографистами и работали на этой крупнейшей отечественной кинофабрике. Здесь все знали ее с самого детства. И поэтому в любом цеху, в любой лаборатории или в мастерской к ней относились как к своей, как к родной. Собственно говоря, основой студии, ее прочным фундаментом как раз и являются именно эти люди, прочно вросшие корнями в эти прокуренные коридоры, в долгие экспедиционные скитания по вагонам и общагам, по степям, лесам и морям, вросшие в пыль и краску фанерных декораций, в жаркий свет просторных павильонов, в редкие премьерные выходы в Дом кино.

Чернорабочие киноискусства испытующе разглядывали адвоката Гордеева, как посланца из далекого будущего.

— Вы по нашему делу? Будете разбираться с договорами? Нас предупредили. Но я смогла собрать только вот... У нас же съемочный период закончился. Основная группа разбрелась по другим фильмам. Операторы, гримеры, костюмеры, бутафоры... Вот, только осветители... Проходите, — румяная девушка пригласила Гордеева на специально подготовленный стул перед столом.

— Может быть, вам удобнее за столом? — не очень охотно приподнялся старичок. — Вы же будете записывать.

— Если позволите, я включу диктофон? — Гордеев удобно расположился по эту сторону стола.

— Да хоть радиостанцию, — старичок нетерпеливо потер руки и потянулся к выставленному диктофону. — Разрешите произнести краткое вступительное слово? От имени трудового коллектива нашей кинофабрики.

— Человек же по делу пришел, — попыталась его урезонить румяная девушка.

— А я именно по делу и хочу выступить. У нас свобода слова еще не запрещена? — изобразив страшный испуг, прошептал старичок и оглянулся. — А то знаете, как бывает? Ляпнешь чего не надо, а ночью... Когда никто не ожидает... Я вам потом как-нибудь расскажу. Чистая правда!

— Я адвокат, — представился Юрий, — Гордеев. Мне необходимо разобраться в ситуации с договорами. И я нуждаюсь в вашей помощи.

— А мы в вашей, — уверила его румяная девушка.

— Значит, так, — старичок подвинул к себе диктофон. — Наш директор киногруппы, или, как сейчас говорят, продюсер, Татьяна Федоровна Гризун допустила некоторую халатность на работе. Проще говоря, она побоялась нестабильности всяких там курсов. Поэтому платила не по ведомости, а...

— Наликом, — сказал бородатый мужчина в коричневом свитере и скрестил руки на груди. — И теперь поди докажи, что ты получил вдвое меньше, чем обещали. Я же мог на другой картине работать! А меня... Кинули. Как лоха.

— Ты бы и этого нигде не заработал! — замахал на него руками старичок. — Тебе по цеху зарплату платят. А вы еще хотите сверх ставки! Даже если бы тебе платили еще вдвое меньше, то и это лишнее. А Татьяна и так выкручивалась, как могла. Деньги спонсоры вовремя не дают. Банки деньги крутят — задерживают. Налоги государству и проценты — бешеные. Тем не менее! Она же платила? Как-то выкручивалась. А знаете ли вы, во сколько обходится сейчас аренда павильона? А съемочная аппаратура? Прокат одного костюма... И все в долларах! Вы же в долларах получали? Хотя это тоже нарушение финансовой дисциплины.

— Я не прокурор, — заметил Гордеев. — И не следователь.

— Это еще впереди, — уверил его бородач.

А моторный старичок, не слушая их, продолжал свою патетическую речь:

— Доллары тоже надо купить. Опять же — потери при обмене.

— Вас пригласил трудовой коллектив? — спросил Гордеева недовольный бородач.

— Нет. Руководство картины.

— Значит, так, — бородач поднялся с дивана. — Если вы адвокат Татьяны, то мы пошли. Нам здесь не заплатят. По крайней мере сегодня. Айда, ребята. Нужны будем для дачи показаний, найдете нас в цеху.

Он шагнул к двери, и вместе с ним поднялись почти все присутствующие.

— Куда же вы, ребята? — румяная толстушка преградила им путь к двери. — Надо объяснить человеку. А вы сразу...

— Нечего тут объяснять! — нервничал старичок. — Идите работать, если вам действительно деньги нужны. А права качать надо было при советской власти. В профкоме!

— Нет, вы останьтесь и все расскажите, — чуть не заплакала девушка. — Мы же договорились. Все как есть.

— Вот ты сама и расскажешь. Мы тебе доверяем, — бородач снисходительно погладил ее по плечу. — А я с этим, — он кивнул в сторону старичка, — в свое время на парткоме достаточно наговорился. Помело...

— Это вы бросьте, — серьезным тоном сказал старичок и прокашлялся. — Надо идти в ногу со временем.

— А ты всегда и шагал! С любым! В ногу, — бородач все-таки открыл дверь. — Тебе лишь бы химичить! И ведь не разбогател! Из голой любви! К искусству. Обдурихона!

Старичок рукой прикрыл диктофон.

Осветители вышли.

— Какие все-таки они грубые... Наши пролетарии, — хмыкнул старичок. — Ничто их не научит. Не чтут хозяина.

— А кто здесь хозяин? — наивно спросил Гордеев.

— В смысле помещения? — уточнил старичок.

— Нет. В смысле всего предприятия.

— Владелец этого балагана, — задумался старик и уставился в потолок, как двоечник на уроке, — владелец будет... С минуты на минуту. Вот с ней и поговорите. А я не уполномочен.

— Тогда следующий вопрос, — наклонился к нему Гордеев. — Кто ведет договорную документацию?

— Одну минуточку. Что-то у меня по-стариковски... Пардон! — Он вскочил и резво выбежал в коридор.

Юрий выключил диктофон. Они переглянулись с румяной девушкой.

— Хозяин тот, кто платит, — философски заметила девушка. — А здесь не известно, кто платит. Начинали на деньги Госкино. Потом какие-то спонсоры. Потом банк... Мы уж и со счета сбились. И с финансового, и с такого...

— Авторские права кто приобретает? — Юрий снова включил диктофон. — Не помешает?

— Помешает.

Гордеев послушно спрятал диктофон в карман, якобы случайно забыв выключить. И только крошечный микрофон выглядывал из широкого кармана.

— Теперь мы одни. Можно и посекретничать.

— Татьяна Федоровна расплачивалась наличными со всеми. Я знаю, что сценарист и композитор получили. И никогда ничего не скажут. Чтоб налоги не платить. Наверняка и договоры у них самые приблизительные... Лишь бы Татьяне прикрыться.

— А как же она списывает деньги?

— Не знаю... Михаил Тимофеевич занимается бухгалтерией.

— Это тот самый? — Юрий кивнул на дверь.

— Он. Михаил Тимофеевич при советской власти уже был директором картины, когда Татьяна Федоровна только пришла на студию. Она тогда устроилась переводчицей. С немецкого и английского.

— Переводчицей?

— Она же долго жила за границей. У нее первый муж служил советником посольства по культуре. Где-то за границей. А точно не знаю где.

— Понятно. И, наверное, у нее сохранились культурные связи? Как-то она это реализует?

— А как же! Второй муж у нее — испанский импресарио. Концерты организует, — пояснила девушка.

— Как он участвует в картине?

— Никак. Он же спец по эстраде.

— А что с режиссером вышло? — осторожно поинтересовался Юрий. — Что-то личное?

— Куда там! — искренне возмутилась девушка и еще больше зарумянилась. — Всем, кто до конца будет работать, то есть режиссерам, операторам, актерам, звукооператору, она, чтобы меньше платить, обещала проценты от проката. Понятно? Так получается чуть больше, но попозже. А Вадим Викторович захотел, чтобы все эти разговоры и обещания были закреплены в контракте. С группой и с ним лично. Ну и...

— Вызвали юриста. Обсудили. Написали текст договора. А он не подошел?

— Вы что, шутите? Какой еще юрист? Он же бешеных денег стоит. Откуда на картине? А у нас тут копеечные тыры-пыры. Из-за этого и весь сыр-бор.

— Так как же?

— Просто... Собрали худсовет. Посмотрели черновую сборку материала. И обсуждение... Все, кто раньше заискивал перед Вадимом Викторовичем, кто умолял его... Не знаю, что уж там Татьяна наобещала им... Но! Все как с цепи сорвались. Охали. Откровенно чушь несли. И такой он, и сякой... Вот.

— Зачем?

— Чтобы снять с картины! Отстранить от работы. Дать другому на монтаж.

— Зачем?

— Чтобы все себе захватить.

— Как?

— Вадиму Викторовичу, как не справившемуся с работой, фигу с маслом. Если еще неустойку не назначат выплачивать. Новому режиссеру за доработку — две копейки. Естественно, без какого бы то ни было упоминания в титрах.

— А замысел?

— Да что вы? Весь замысел за месяц до съемки должен быть готов. Вы же сами знаете. В готовом материале только уточнения... Художественные детали. Конечно, без Вадима Викторовича монтажа не будет. Это просто убьет картину. Она ее нигде не пристроит. А тем более на Берлинском фестивале.

— Говорят, что картина, так сказать, некоторым образом в... нетрадиционном решении. Вернее, нетрадиционно ориентирована, так сказать, в... сексуальном смысле?

— А как же! Иначе и смотреть не будут. Вадим Викторович первым в нашем кинематографе осмелился так откровенно, так глубоко и верно!.. Да вы и сами можете посмотреть. Он недели через две, кажется, будет готов показать первый вариант монтажа. С музыкой! Хотите, я вам студию покажу?

— Спасибо.

— Тогда пошли вместе, — девушка поднялась с дивана. — Там в третьем павильоне наши художники декорацию хорошую поставили. Квартира с выходом во двор! А улица! Мигалки неоновые! Такая красотища! Только представьте — настоящая живая улица!

— По пути к актерам в комнату заглянем? — уже в коридоре поинтересовался Гордеев.

— Там же нет никого. Вы имеете в виду актерскую или гримерную?

— Наверное, гримерную.

— В какую? В центральную?

— Неважно. Кто-то же там работает?

— Раньше места всем картинам не хватало, — грустно вздохнула киношная девушка, — писались в очередь на грим в центральную, а теперь, когда кто-то работает даже по мелочи, клип там или реклама, ходим смотреть, как на чудо.

Они шли по солнечному переходу, соединяющему разные производственные корпуса, по узким извилистым коридорам. И вдруг показалось, что где-то в закоулках мелькнул старичок Михаил Тимофеевич под ручку с Татьяной Федоровной. Но только мелькнул и бесследно пропал.

За витринными стеклами гримерного цеха царила тишина. В специальных витринах были выставлены особые экспонаты — удивительно сложные и яркие парики сказочных персонажей, манекены, загримированные «с портретным сходством»: головы политических деятелей, рок-музыкантов и даже американского президента Клинтона.

— Тук-тук! — громко прокричала девушка за занавеску. — Есть в тереме кто-нибудь?

— Проходи, Нюшка, — позвали из глубины лабиринта. — Мы тут возимся!

Гордеев поспешил за своей проводницей, они прошли сквозь несколько пустых гримерных комнат, отражаясь в темных зеркалах, наталкиваясь на пустые парикмахерские кресла, и в конце концов оказались в небольшой гримерке на два «посадочных» места.

Приходу девушки тут обрадовались.

Прежде всего хозяйка, молодая долговязая девица со множеством всевозможных фенечек и прибабасов на всех деталях одежды и на совершенно лысой голове, где вместо волос были нарисованы разноцветные листья и цветы, а поверх приклеены бумажные бабочки, мухи, кузнечики!

— Вались к нам, Нюшка! — На губах девицы искрились мелкие стальные колечки. — Я тут пока работаю. Но скоро...

— Привет, Анята! — донеслось из-за высокой спинки парикмахерского кресла. Только в зеркале был виден сидящий там молодой человек.

Это был тот же актер, что недавно попался Гордееву в коридоре в костюме эсэсовца — высокий блондин с арийскими чертами лица. Теперь стараниями гримера он превратился в изнуренного разночинца, нервного петербургского революционера конца девятнадцатого века.

— Как хорошо, что ты здесь, — обрадовалась румяная Нюшка, увидев его. — Вот адвокат приехал. Мы в группе встречались. Теперь вот... Он с тобой хочет поговорить.

— Это обо мне? — удивился Юрий. И галантно поклонился гримерше. — Собственно говоря...

Вместе с ним удивилась и разукрашенная девица-гример, а актер от неожиданности даже повернулся в кресле.

— А вы не узнали? — засмеялась Нюшка. — Да это же наш актер — Кассио! Женька, что ты можешь сказать о нашем... Э... Конфликте с Татьяной Федоровной?

— Какой еще конфликт? — пожал плечами актер Женька. — Нормальная рабочая обстановка. Как везде. И в Англии то же. Всюду жизнь! Борьба за выживание. Деньги и власть. Что тут непонятного? При совке все это камуфлировалось под идеологическую борьбу, а теперь вылезло в натуральном виде. Все этого очень хотели.

— Меня в этой связи интересует один вопрос, — в тон образованному артисту сказал Юрий Гордеев, — кто владеет авторскими правами на картину?

— Понятия не имею! — засмеялся Женька. — И знать не хочу! Не мое это дело. Мне бы деньги свои заработанные выбить. Но если вас интересует моя индивидуальная точка зрения... Мне кажется, что права должны принадлежать тому, кто ими владеет на законных основаниях.

— Оригинальная идея! — обрадовался Юрий.

И заметил в зеркале движущееся отражение прекрасной женщины! Она появилась вдалеке — в темноте — и приблизилась, вышла на свет, сразу отразившись во множестве зеркал гримерки.

— В настоящее время все авторские права, поскольку никем ни у кого не выкуплены, никем нигде не оговорены, принадлежат их природным владельцам, то есть самим авторам.

— То есть мне! — величественно заявила подошедшая красавица.

Она встала перед зеркалом, вытащила заколку из высокой прически — и рассыпались по плечам золотые локоны.

— Мы сейчас уходим, — виновато нахохлилась Нюшка.

— Как хотите. — Красавица расстегнула и сняла кофточку. — Надо соски подкрасить, — она повернула к гримерше свору обнаженную грудь. — Будут крупно снимать.

— Минуточку, — гримерная девица мыла под краном руки.

— Извините, — Гордеев как замороженный не мог отвести взгляд от великолепной груди красавицы. — Я, может быть, в другой раз...

— Или два-с, — пошутила красавица, приветливо улыбнулась сквозь зеркала уходящему адвокату. — Заходите на огонек. Буду рада.

Глава 9

После показательной казни, после жуткого крика контрактника и хриплого «ура» его товарищей прошло две недели. Однажды днем, когда троих пленников вывели из селения по северной дороге и после изнурительного восхождения на ближайшую высоту вручили им в руки заступы и лопаты, а потом заставили копать окопы по разметке, сделанной кем-то из инструкторов, они поняли — недалек день очередного переезда к новым хозяевам. Это подтверждалось глухими громовыми раскатами, доносящимися с севера. О том, что это не природное явление, наверняка знали их стражи и догадывались пленники. В природе есть такое явление — сухая гроза, но даже для сухой грозы необходима облачность, резкий, порывистый ветер, сменяющийся внезапной абсолютной тишиной, повышенная озонированность. Ничего подобного не наблюдалось. Над группой пленников, а постепенно сюда на высоту согнали почти всех рабов, простиралось безоблачное голубое небо такого изумительного оттенка, какой бывает только на Кавказе в начале осени.

Пленник понял: день, которого он так ждал, наступил. Больше ждать нельзя. Единственного, кого можно было взять в напарники, — Эдика необходимо было посвятить в свой план сегодня же, ибо ночь должна была стать либо первым днем свободы, либо поводом для внеплановой показательной казни. Женю ни посвящать в свои планы, ни тем более брать с собой пленник не хотел. Взять его с собой означало заранее обречь задуманное на неудачу. Последнее время, особенно после той казни, паренек просто тихо повредился рассудком. Он стал улыбаться всем и, кажется, был самым счастливым человеком в селении. Начал жить своей особенной жизнью. Его перестали трогать и даже перевели к домашней птице в сарай, где счастливый раб мог часами наблюдать за курами, их брачными играми и даже подружиться с петухом, который быстро смекнул, что этот человек не опасен и в его дела не мешается.

Итак, сегодня ночью...

Ближе к вечеру, когда показалось, что они выполнили дневную норму, приехал хозяин. Молча прошелся по фронту работ, ковырнул стеком аккуратно уложенный дерном бруствер и остался доволен.

— Сука, хебье сменил, не хочет в пятнах от российских мозгов ходить, — выдавил Эдик.

Значит, не смирился. Значит, на него еще можно рассчитывать. Значит, все те унижения, через которые этому парню удалось пройти, не вытравили из него главного — человеческих чувств, пусть с ошибками, пусть не по библейским заветам... А кто их знает, эти заветы? Кто может перечислить все десять заповедей? Все твердят про жену ближнего, а того не знают, что спор этот не носит сексуального оттенка и ничего общего с нашими сегодняшними представлениями не имеет. Сказано же там, что не возжелай дома ближнего своего, ни осла, ни раба. И только в последнюю очередь — жены, ибо приравнивалась женщина к имуществу.

— Спокойно, Эдя, если выйдем отсюда живыми, прихватим одного такого, бутылку ему в очко засунем, да и тукнем по донушке камушком. Пускай к своим в деревню пешком идет.

Эдя расплылся в улыбке.

— Что, свини, щеритесь... — заметил его возбуждение прибалт.

Пленники опустили глаза, чтобы, не дай бог, выражением не выдать собственного настроения. Прозвучала команда, и их повели обратно в селение. Эдик еще не знал планов своего товарища, но невольно заражался настроением, словно от того исходили невидимые волны. Да и походка у товарища как будто изменилась. Тверже и уверенней стала.

— Тебя как зовут-то? — спросил он и сам удивился: почти месяц вместе, а так и не узнал имени старожилы. Впрочем, тот ни разу не выразил желания познакомиться. У старожилы же были собственные соображения, по которым он не представлялся, не говорил о родине и близких. Но теперь решил сказать.

— Николай.

— Откуда?

Николай помедлил, словно взвешивая про себя, говорить или нет. Решил, можно.

— Москва.

— Вот это да... Мы ж земляки! Я из Владимира.

— Земляки, — хмыкнул Николай. — Скажи еще — родственники.

— Нет, в самом деле. У нас в полку чуваши, башкиры, Пермьки, из Владика даже. Ближе тыщи верст никого. Один попал. А ты все равно что наш, владимирский.

В этом была определенная логика.

На ужин дали по миске макарон со свиной тушенкой. Оба раба не знали, откуда у хозяев появилась тушенка, но догадывались, что так распорядился хозяин — кормить как следует. Кому нужны на строительстве укреплений доходяги? А тушенку, скорее всего, отбили у наших. Умные снабженцы еще в афганскую войну придумали снабжать наших бойцов свининой, чтобы те не выменивали у местного населения продукты на тряпки и дешевую электронику. Чтобы не было фактора общения.

Поели. Николай достал в углу из-под тряпок консервную банку.

— Слушай, покажь, чего там у тебя, а? — попросил Эдик.

Николай отогнул крышку и выпустил на ладонь сороконожку. Поднес к слуховому окну. Насекомое приподняло переднюю часть туловища, помахивая в воздухе десятком лапок.

— Цирк. Приветствует? — удивился Эдик. — А я ночью все думал, чего ты копошишься. А это вона что...

— Я с ней уже третий месяц. У бывших хозяев сырой подвал был, я и прихватил. Кто знает, где и с кем окажешься. Если бы и ты сдвинулся, с кем говорить?

— И не подохла тварь...

— Я ее на теле перенес. Весной шли, еще снег был, думал — замерзнет. Сунул под рубаху. Она все дорогу тихо просидела не шевелясь. А могла бы зашекотать... — хмыкнул Николай.

Сороконожка освоилась в свете заходящего солнца, скудный луч которого на излете пробились в маленькое слуховое окошко подвала. Поползла по запястью, и снова перед ней встала дилемма — под фуфайку или сверху. В этот раз выбрала под.

— А теперь, Эдик, слушай меня внимательно. Артиллерию слышал? Гаубицы долбят. Не иначе сто пятьдесят вторые. Значит, идет крупное наступление. У этих такого калибра отродясь не было. Они, засранцы, реквизируют зенитки из бывшей противолавинной службы и рады были до обсеру. А это наши. Вывод — наступление. Если хорошо им задницы поджарят и правильно техникой распорядятся, могут на плечах верст двадцать махнуть. Теперь смекай: если здешние запаникуют, нас всех тут положат, кто истощен и идти не может. С ногами у меня туговато. Ты за две недели еще не все растерял, а мне большой переход сразу в цепочке не осилить. Значит, по дороге грохнут. Сегодня мой день. Наш. Пойдешь со мной?

— Спрашиваешь, столица...

— Не хорохорься. Если нарвемся на шибко религиозных — кранты, если из нашего села — тоже кранты. Одна надежда на чужих. Захотят ли взять? Вот в чем вопрос.

— А если вообще к своим выйдем?

— Это только в кино бывает. Не кисни. Один шанс все-таки есть. На него и надейся. Но уж лучше в поле или в горах и на свободе пулю схлопотать, чем колуном от неумытого рыла по башке получить.

— Или чтоб тебе пилили... — тихо согласился Эдик.

— Это особый разговор. Она у меня первая в списке.

Николай оторвал крышку консервной банки, пошарил в карманах и достал два камня, которые подобрал еще на рытье окопов. Один дал Эдику.

— Разогни шов и заточи края, — кивнул он товарищу.

— Они ж и так острые...

Николай усмехнулся:

— Знаешь, как раньше ворье делало? Возьмут монетку, расплющат ободок с одной стороны и заточат так, что не хуже бритвы. Сумку или карман располосовать — раз плюнуть. Если засыпался, урони монетку, и никто внимания не обратит, монета и монета валяется. Мало ли. А с бритвой возьмут — вот тебе и применение технических средств. Даже медяки точили. Металл мягкий, но с умом выправить, и на один-то раз хватит, а больше и не надо. Выбирали же. Не попусту чиркали.

— И откуда ты все это знаешь? Сидел?

— Я — нет, а двор наш через одного с этой гостиницей пятизвездочной познакомился... Ладно. Часа через два уснут, я начну в люк барабанить. На двор попрошусь. Тут мы и начнем.

— А выпустят?

— Если бы в яме сидели, ни за какие коврижки, а мы, считай, под ними, дома. Скажу — понос прошиб. Охота им нашу вонь нюхать.

— А потом куда?

— Потом по жопе долотом...

— Я серьезно. Местность незнакомая. Под тентом везли.

— За сортиром у них проволока ржавая вся. Ее руками порвать можно. Порвешь и дуй между заборами. Там у них водосток. До холма. Дальше не суйся. Мины. И меня жди. Я поведу.

— Через мины?

— Я и ставил... Вот, браток, почему мне первая пуля. Ни за что не поменяют и в живых не оставят.

Замолчали. Слышно стало только дыхание да поскрипывание жести о камень. Метал затачивали до бритвенной остроты.

Самый томительный час провели в молчании. Эдик хотел было поделиться собственными мыслями, но Николай грубо оборвал его. Пусть каждый перед этим моментом, перед моментом «или — или», подумает о своем. Впервые за много месяцев раб позволил себе вспомнить...

Речка Крапивка. Солнце. Шмели над луговыми цветами. Он с братом и отцом на берегу. Отец объясняет им, почему нужно подходить к воде очень осторожно — голавль. Рыба в летнее время охотится на насекомых, неосторожно приближающихся к кромке воды и неба.

Да. Для них все, в чем они живут, небо, будь оно и полтора метра от земли. А на самом деле, вдумайся, для птиц оно одно, для насекомых третье, а человек даже в космос вышел. Теперь это тоже его небо... Зачем немытым космос?.. Какая там Урга — территория любви?.. И они легли на землю и подползли под невысокий бережок. Осторожно взмахнули удочками без поплавков, на крючки были насажены кузнечики. И забросили. Кузнечцы, распластав крылья по воде, крестами уносились по течению... И вдруг — бац! И кузнечца утащил жадный рот. Не моргай, подсекай...

Николай вспомнил то летнее утро, отца, брата в позорной панамке, за которую их всегда во дворе дразнили, и ему стало до боли его жалко. Расправились ли с ним? О могуществе этих людей, по вине которых он оказался здесь, Николай догадывался и ничего, кроме глухой злобы, к ним не ощущал. Все чувства на уровне насекомого: позволил себе посягнуть — получи. Получат.

Прошел еще час. Николай пошевелился. Сразу же встрепенулся Эдик.

— Пора?

Эдика трясло.

— Дай руку, — попросил Николай, и Эдик протянул.

Николай перехватил ее за запястье, взмахнул крышкой. Эдик попытался вырваться.

— Если дернешься, пропадем. Не стучи зубами. За километр слышно.

Он поднялся на две ступени и тихонько постучал по крышке люка.

Николай отогнул доску пола, достал пакет и сунул за пазуху.

— Эй, хозяин, открой по нужде... Хозяин... Навалю... Живот у меня. Съел что-то... Открой, не могу...

Николай застучал настойчивей. Наверху раздался голос прибалта. Люк приоткрылся, и вниз посветили. Раб согнулся и застонал, попробовал взобраться по ступеням. Наверху посоветовались, потом в проеме показались ноги спускающегося хозяина. Этого ни один, ни второй беглец не ожидали. Приходилось импровизировать, а импровизация в таком деле, как побег, вещь, сводящая шансы на успех к нулю.

Николай схватил хозяина за ноги и рванул вниз, одновременно зажал рот рукой и поднес к глазам тускло сверкнувшее железо крышки.

— Один звук — и ты в гостях у Аллаха...

Николай кивнул Эдику, и тот перехватил хозяина.

Николай начал подниматься по лестнице. Лампу он предусмотрительно держал за спиной. К счастью, прибалт убрался в комнату. Николай снял со стены веревку и кинул вниз.

— Свяжи... — коротко бросил он, памятуя о том, что может произойти в случае их поимки жителями этого селения. Самое главное для него было сохранить жизнь. Он чувствовал свое предназначение и хотел его выполнить до конца, а это означало жить, жить хотя бы несколько часов, дней, недель...

Они вышли во двор. Не говоря ни слова, Николай показал Эдику в сторону сортира и подтолкнул.

— А ты? — шепотом и стараясь унять дрожь в голосе, спросил товарищ.

Он очень боялся остаться один. Без этого угрюмого, больше похожего на зверя человека ему не выжить.

— Иди, сволочь, рви проволоку... — еще раз толкнул в спину Николай, и Эдик сделал несколько шагов вперед.

— Иди...

Николай посмотрел на небо. Как хорошо, что сейчас не полнолуние и серп луны показывался между облаков только на несколько секунд.

Он направился к пристройке, где жила ТА женщина.

Женщины, да и мужчины, у которых в семье случилось большое горе, не спят ночами. Не спала и исполнительница казни. О чем она думала? Может, о своем муже, брате, детях? Николай не знал, да и знать не хотел. Его на эту войну не приглашали. И она эту войну не затевала. Оба они были ее рабами. Но она свободным рабом войны, он — пленником. И потому незримая черта неравенства делила их общее человеческое сущее на две части, на две чаши. А весы колебались вне зависимости от них самих. Сегодня на чаше Николая было больше.

У входа стоял бак с водой. Эту воду он наносил сам. Ее использовали, чтобы поить птицу. Николай отвернул кран, и она побежала в выдолбленную ложбинку. Когда воды наберется с небольшое озерцо, звук падения струи станет ясно слышен в тишине ночи.

Не успело собраться достаточное количество, как кто-то тронул его за плечо! Николай захватом с поворота бросил неожиданного свидетеля на землю и, взмахнув крышкой банки, полоснул по тому месту, где должно было находиться горло. Человек без крика повалился на землю, и в тишине забулькало. Человек с перерезанным горлом заперхал, выбрасывая вверх фонтаны черной, блестящей крови.

— О, господи... — прошептал Николай.

Это был полоумный Женя.

Но осознавать содеянное времени у него не было. В темноте угасает зрение, развиваются другие чувства. Николай услышал, как скрипнула кровать.

Женщина услышала непонятный звук на пороге.

Их отделяла друг от друга только ситцевая занавесь на двери.

Капала в ложбину вода.

Булькала кровь.

Женщина вышла. Увидела непроглядную черноту ночи. Почувствовала запах двора. Разошлись облака, и молодой месяц осветил двор. Длинные тени тянулись по земле, причудливо преломляясь и создавая фантастический лабиринт. Все они были неподвижны. Все, кроме одной. Эта тень раздробилась и накрыла ее.

Это было последнее, что увидела женщина на земле.

Глава 10

В длинной мрачной подворотне по пути с улицы в следственный корпус Бутырского следственного изолятора, в зале, где принимают передачи, родственники и друзья задержанных обменивались новостями, готовили передачи, записывались в какие-то очереди. Древняя старуха, видать помнившая еще дореволюционные порядки, шамкала беззубым ртом и все спрашивала у каждого проходящего:

— А погонят-то их, чай, по Владимирке? Завсегда тут гнали. И сейчас... Соколика-то мово...

— Куда гнать-то будут? — смеются над ней молодые бычки с бритыми затылками.

— Знамо дело, — поучает их бабка, — в Сибирь, на каторгу... Мой-то соколик соседу... душу отпустил. Грех на себя принял. Прости его, Господи, и помилуй...

— Муж? — мимоходом поинтересовался Гордеев.

Он хотел обрадовать старушку известием, что таких престарелых, как правило, отпускают под подписку. Да и осуждают... Как малолетних.

— Прапраправнук! — обрадовалась и зашевелилась старушка, почуяв в Юрии чиновного человека. — Такой умница! Такой добрый! И вот — на тебе! Не сдержался! Это у него в крови! И папенька-то мой, и муженек мой крутенок был, раскулачивали всю губернию! И сынок три войны прошел, скока кровищи-то пролил! И финской, и германской, и корейской... Страсть. Внучок тоже — и Вьетнам прошел, и Анголу. Весь род у нас такой. Ты бы заступился за него, а? Молодой он совсем. А сила играет. Его бы на войну, а тут... Уж я бы... Я бы помолилась за тебя. Я уже скоро перед Богом стану. Дойдет моя молитва. Вот те крест!

То, что Гордеев не проскочил равнодушно мимо, что выслушал деревенскую столетнюю бабку, издавна приковылявшую на защиту своего крутого дальнего потомка, обратило на него внимание всех собравшихся. Те, что давно тут или не в первый раз, конечно, сразу распознали в нем официальное лицо. Хотя бы по тому, что он без сумки с передачей, что он, никого ни о чем не спрашивая, сразу направился к ступенькам в следственный изолятор, по уверенному и спокойному выражению лица. Он был человеком с другой стороны баррикад. А новенькие потянулись поближе, послушать, что посоветует, что подскажет опытный человек?

— Бог поможет, обязательно поможет. — Гордеев погладил руку старухи. — И люди добрые не оставят в беде.

— Не оставят, — сразу заплакала старуха. — Люди добрые... Они все простят. Он же не со зла... А по надобности. По бедности нашей. По нищете. Вот и позарился. Дело-то молодое... Кровь играет!

— Вы знаете, куда передачу сдавать? — поинтересовался Гордеев.

— Да она тут уже неделю кантуется, — угодливо сообщил верткий и чумазый цыганенок. — Один день на станции милостыню собирает, с другими старухами дерется, а потом тут сидит. И всем плачется.

— Кыш отседа, кыш, чертененок! — старуха замахала на него руками. — А то переkreщу!

— На мне крест есть! — показал цыганенок. — А на тебе нету! Крест покажи! Покажи крест!

— Заберите ребенка, — строго приказал Гордеев толпе слушателей, собравшихся вокруг него. — Ну-ка, брысь, пока я тебя не отправил в приемник-распределитель!

— И мент — нехристь! — взвизгнул цыганенок. — Мне мамка говорила, что они бесы!

— Уберите ребенка! — повторил Гордеев.

Нахальный цыганенок исчез, а толпа осуждающе, исподлобья оглядела Гордеева с явным недоброжелательством.

— Чужой ты человек, — отвернулась от него и шамкающая старуха. — Не любишь детей. С неприятным осадком на душе Юрий поднялся в следственный корпус.

Каземат он и есть каземат.

А вот, наконец, и мрачный широкий, как зал, коридор, выкрашенный зеленой масляной краской. По обе стороны почти квадратные двери, за каждой из которых отдельный кабинет для допросов.

Адвокат Гордеев представился ответственному дежурному по корпусу, и тот провел его в кабинет к Антоненко.

— Присоединяйся. — Борис, по всей видимости, уже давно беседовал с обвиняемым.

— Привет! — Юрий сел на стул и снова, как и в прошлый раз, бросил Игорю пачку сигарет.

Уставший Игорь Игнатьев, расслабленно сидевший у стены напротив следователя, благодарно улыбнулся адвокату, сверкнув под лампочкой голым белым затылком.

Следователь недовольно хмыкнул, но промолчал. Продолжил прерванный допрос:

— Ты по-прежнему утверждаешь, что нанес потерпевшему единственный удар?

— Смертельным был единственный удар, — уклончиво ответил Игнатьев, поглаживая наголо стриженную голову своими тонкими музыкальными пальцами.

— Хорошо, — задумался Антоненко. — Давай-ка отработаем мотивировку преступления. Мсть... Мне это не кажется убедительным. Ну... Во-первых, ты не знал судью. И не мог знать. Это очевидный факт.

— Я же говорил, что мстил не за себя, а за друга.

— За какого? За того, которого тут же отпустили в зале суда? Во-первых, ты даже не знаешь его имени! И адреса не знаешь. А во-вторых... Жестокий суд! Вы только подумайте! Это же надо? Дяденька своровал, а его!.. — иронически «возмутился» Антоненко. — Судья-изверг... освободил в зале суда! Ну как тут остаться равнодушным? Да у любого человека вскипит! Вот наш добрый молодец и решил мстить. Тут же! Не отходя от кассы! — Борис был возмущен тем, что его принимают за дурака. — За что ты мстил? Кому?

— Я уже говорил. В его лице я мстил всей системе. Экономической, политической...

— Ты хочешь пройти по политической статье? — усомнился следователь. — Диссидентское время кончилось.

— Мне все равно. Я убил судью Бирюкова. И в любой момент могу доказать это.

— Валяй! — милостиво разрешил добрый следователь. — А мы с радостью тебя поддержим.

— Разрешите и мне вопрос задать? Согласно статье пятьдесят первой процессуального Кодекса, — вклинился Юрий Гордеев. — Мне бы хотелось установить последовательность событий. Игорь Всеволодович... Я правильно вас называю?

— Да.

— Скажите мне, пожалуйста, как вы оказались в зале суда? Что вас привело? Где вы были до этого? С самого утра, если можно. Как можно подробнее. Тут может оказаться решающим любой мелкий факт, любая деталь.

Игорь встревожено взглянул на адвоката и замер в напряжении. Невооруженным глазом можно было легко заметить, что он испугался чего-то и мучительно соображает, продумывает, просчитывает.

— Вас что-то беспокоит? — подчеркнул ситуацию Гордеев специально для Бориса.

Но тот, не обращая внимания на окружающее, будто все это нисколько его не касается, увлеченно листал материалы дела, всем своим видом выражая невмешательство в процесс общения обвиняемого со своим защитником.

Гордеев только хмыкнул разочарованно. И снова обратился к Игнатьеву:

— Я помогу вам. Вы проснулись в совершенно гадком расположении духа. Так?

— Нет. Я хорошо помню это утро. После того, что случилось, я перебрал весь день по косточкам, как говорится.

— Получается, что вы совершили этот... поступок без предварительного умысла.

— Почему?

— Потому что иначе вы бы с самого пробуждения, зная, что сегодня произойдет что-то ужасное и важное, обращали бы внимание на знаки судьбы, на мелочи, в которых бы мог открыться замысел рока. Так?

— Чушь какая-то, — смутился Игорь. — Ничего похожего. Просто и обыкновенно. Я встал, умылся, то да се. У меня на работе есть творческие дни, когда я не на производстве, а... Повышаю творческую квалификацию.

Гордеев тут же пометил у себя в тетради: «Проверить творческие дни Игоря Игнатьева. Совпадают ли они с датами аналогичных убийств?»

— У тебя начальство выделяет творческие дни? — Борис, оказалось, все прекрасно слышал и следил за разговором. — Или ты свободно выбираешь в любой момент?

— Практически да, — слегка задумавшись, ответил Игорь. — По закону и трудовому договору, конечно, это все точно по расписанию. Но, сами понимаете, обстоятельства меняются, иногда приходится работать по срочному заказу и в творческие дни, а потом творить в рабочие. Главное, чтобы количество этих дней не было больше, чем оговорено. Но в этих днях заинтересованы все. И я, и родное предприятие.

— Чем же? — Гордеев старательно зачеркнул свежую запись в своем адвокатском досье.

— В эти дни я работаю на престиж фирмы. Готовлюсь к выставкам, прорабатываю новые замыслы, обогащаюсь чужими идеями на показах, на выставках, на просмотрах.

— Короче, ты, художник нитки и иголки, в свои так называемые творческие дни ходишь по показам моделей и тыришь чужие изобретения? — Борис захлопнул папку и обернулся к адвокату. — Опять по твоей теме. Куда ни кинь — всюду проблемы с авторскими правами!

— Для того и существуют показы. Чтобы обмениваться свежими идеями, — набычился Игорь. — А книжки, журналы? Тоже нельзя смотреть? Никто не берет готовые формы. А идеи!.. Это... У самого изобретателя, может, и не пойдет, а у другого...

— Короче, — оборвал его следователь, — отвечай на поставленный вопрос. Как ты попал в здание суда? Почему ты туда пошел? Кто и зачем тебя туда направил?

— Никто не направлял. Я же говорил уже. И не один раз.

— А вдруг ты соврал? — вытаращил на него «страшные» глаза следователь. — А теперь, запутавшись, что-нибудь не так скажешь. Мы тебя тут-то и поймем за язык. Давай, давай. Еще не один раз будешь рассказывать. Привыкай.

— Ну... Позавтракал. Пошел на Кузнецкий. Там готовится показ. Известные имена. Краскина... Тюльпаков... Канашкин... Интересные должны были бы быть работы. У них совершенно оригинальный подход к покрою...

— В какое время открылся просмотр? — спросил Гордеев и записал в досье: «Проверить по времени открытие показа на Кузнецком мосту и время заседания суда».

— В какое время? — переспросил Игорь, и казалось, что он просто опешил от неожиданного вопроса.

— Поясняю, — ему на помощь пришел Антоненко, — ты пришел на Кузнецкий к определенному часу?

— Да нет же. Я со служебного. В любое время. Просто пришел поглядеть, потусоваться. Мне же не надо на сам показ. Я же модели смотрю, а не...

— Тебе понятно? — Борис снисходительно поглядел на друга. — Со служебного. В любое время.

Гордеев не вычеркнул эту запись. А даже добавил: «Найти свидетелей пребывания портного Игоря Игнатьева в салоне на Кузнецком! До открытия!»

— Круто заквашиваешь, — подмигнул ему Борис. — А у меня для тебя сюрпризик приготовлен. Как раз для тебя. Уверен, что тебе понравится.

— Я еще хочу спросить подзащитного.

— Валяй!

— Ну так вот. По вашим словам, вы пришли заправиться, так сказать, прекрасным искусством в знакомый вам мир красоты и радости. А вышли оттуда и прямиком побежали на заседание суда резать горло невинного пожилого человека! До этого вы встречались с судьей Бирюковым?

— Нет.

— Вы без предварительного умысла, то есть совершенно нечаянно, перерезали горло незнакомому человеку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.